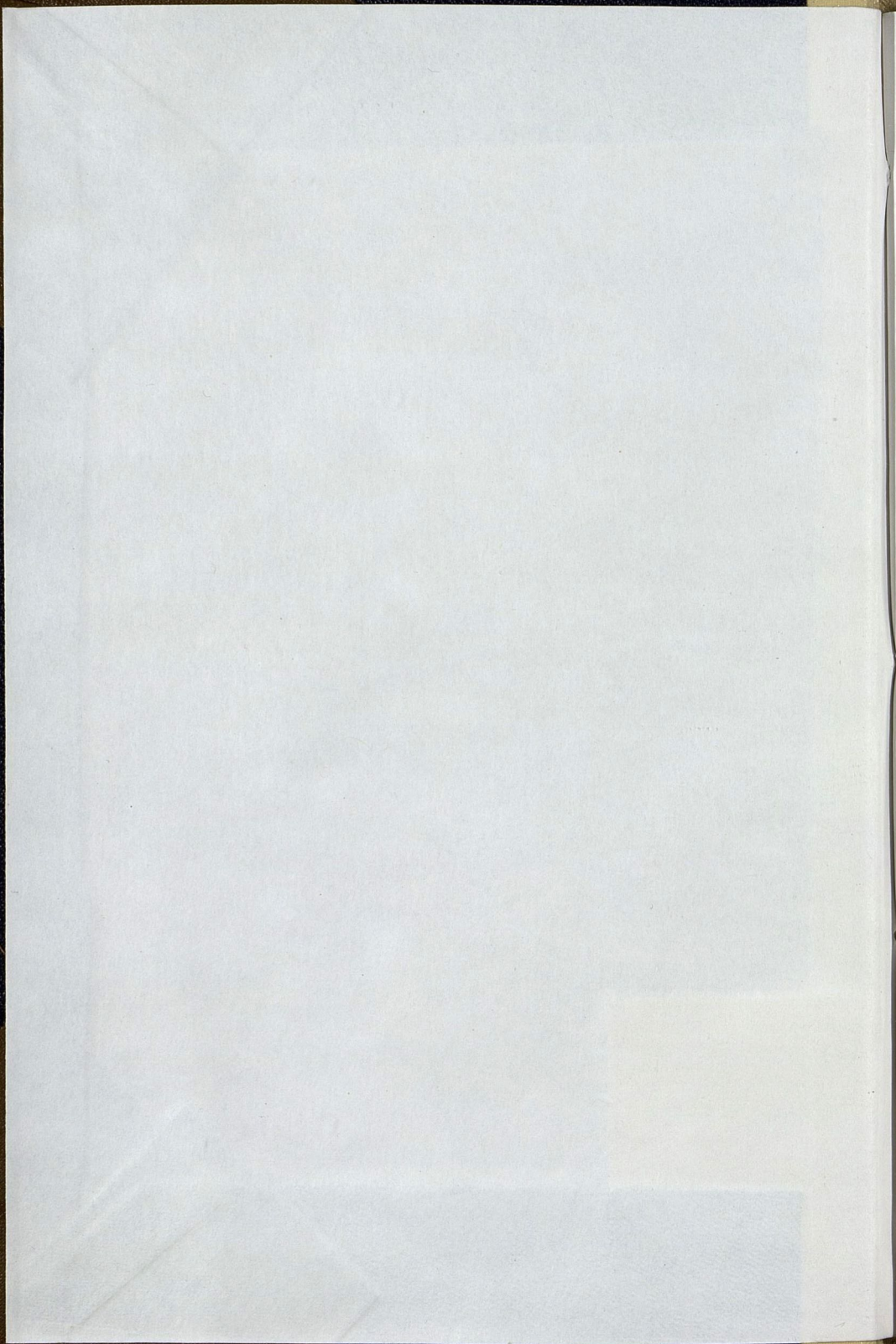
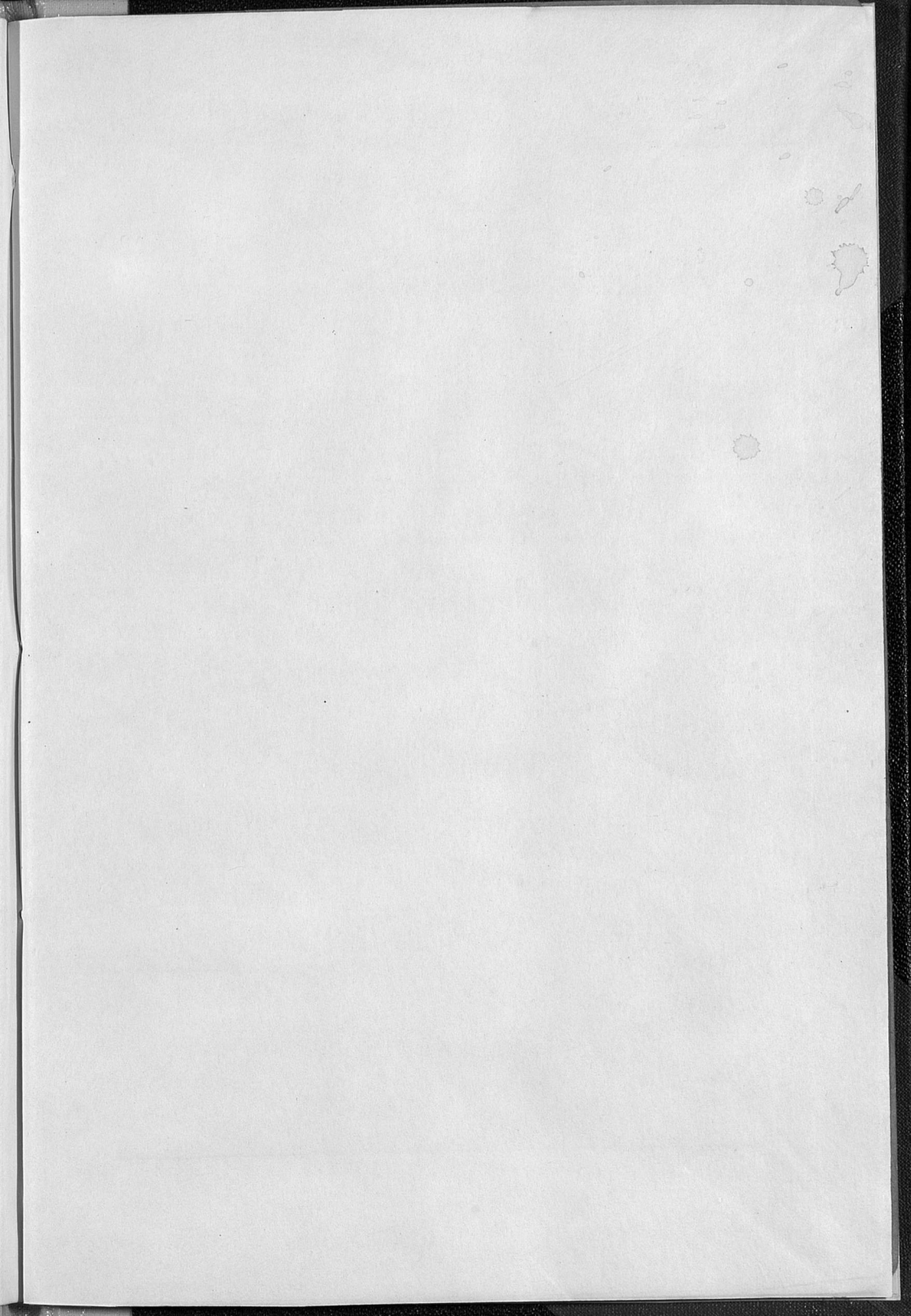
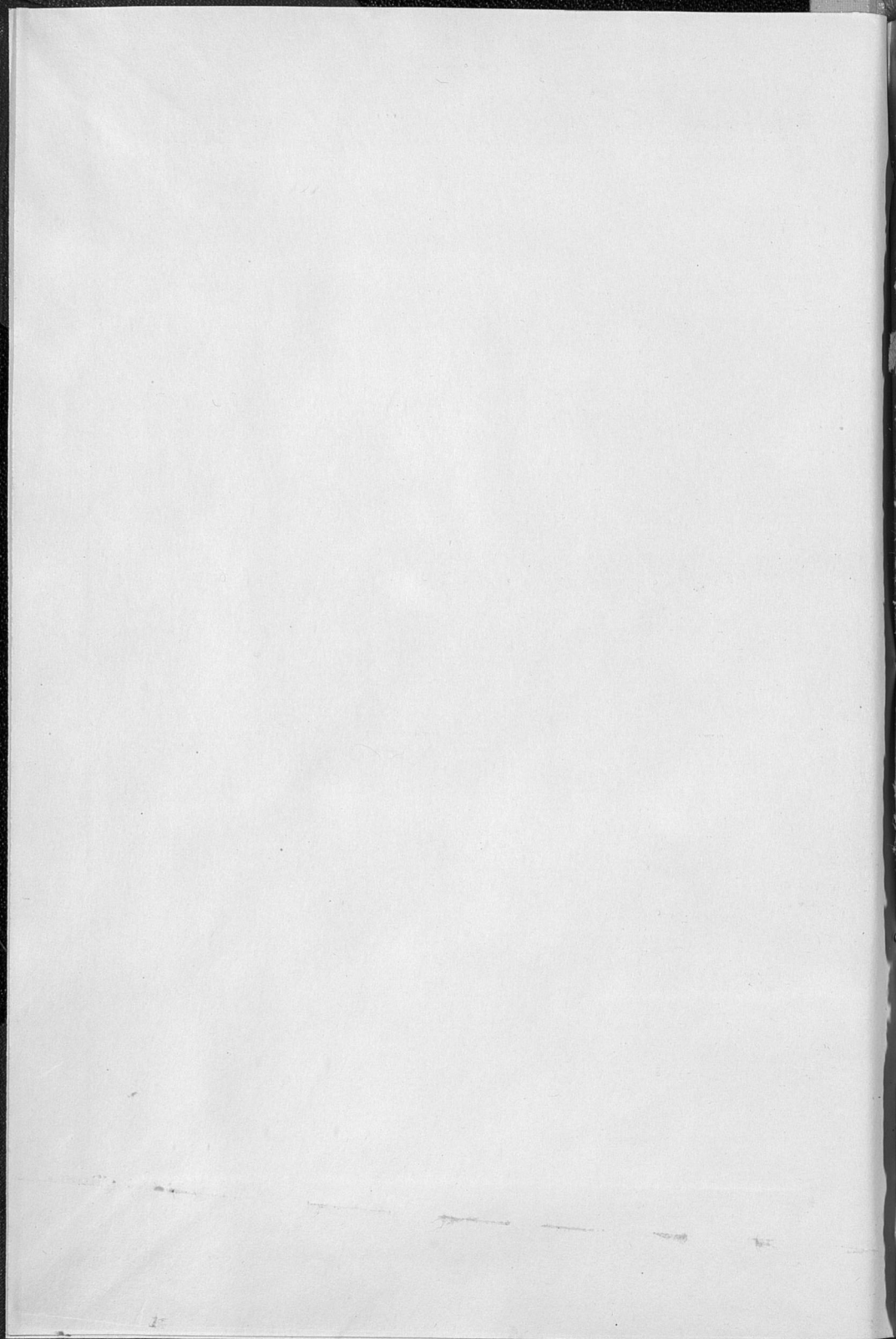

1927 | КОНОКОТИН А. СМЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ БОРЬБЫ В КОНТРОЛЬНЫХ ...

E 41 —
48

Истпартотдел Костромского Губкома ВКП(б)

Е 41 —
48

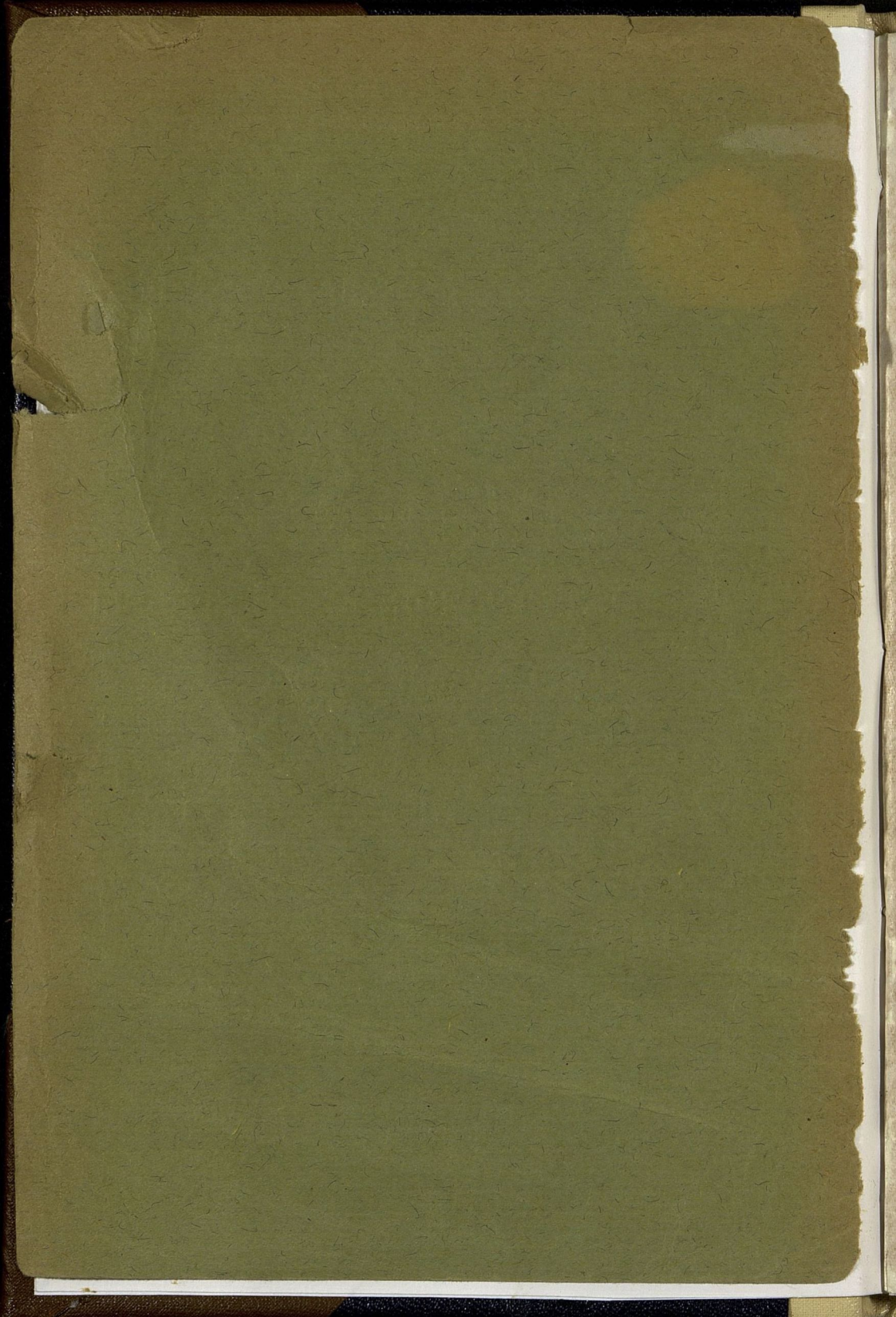
А. КОНОКОТИН

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ БОРЬБЫ
в Костромской губернии

КОСТРОМА

1927

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Е41/48

А. КОНОКОТИН

Р5/302

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ БОРЬБЫ
в Костромской губернии

—

Издание Истпартотдела Костромского Губкома
ВКП (б)

—

КОСТРОМА
1927

г. Кострома. 1927 г.
Гублит № 1966.
Зак. № 3125. Тир. 3000 экз.
Гос. типо-литография
Полиграфтреста.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

№ 5906 м
18/II 1928

Е. Ч. 178

ПРЕДИСЛОВИЕ.

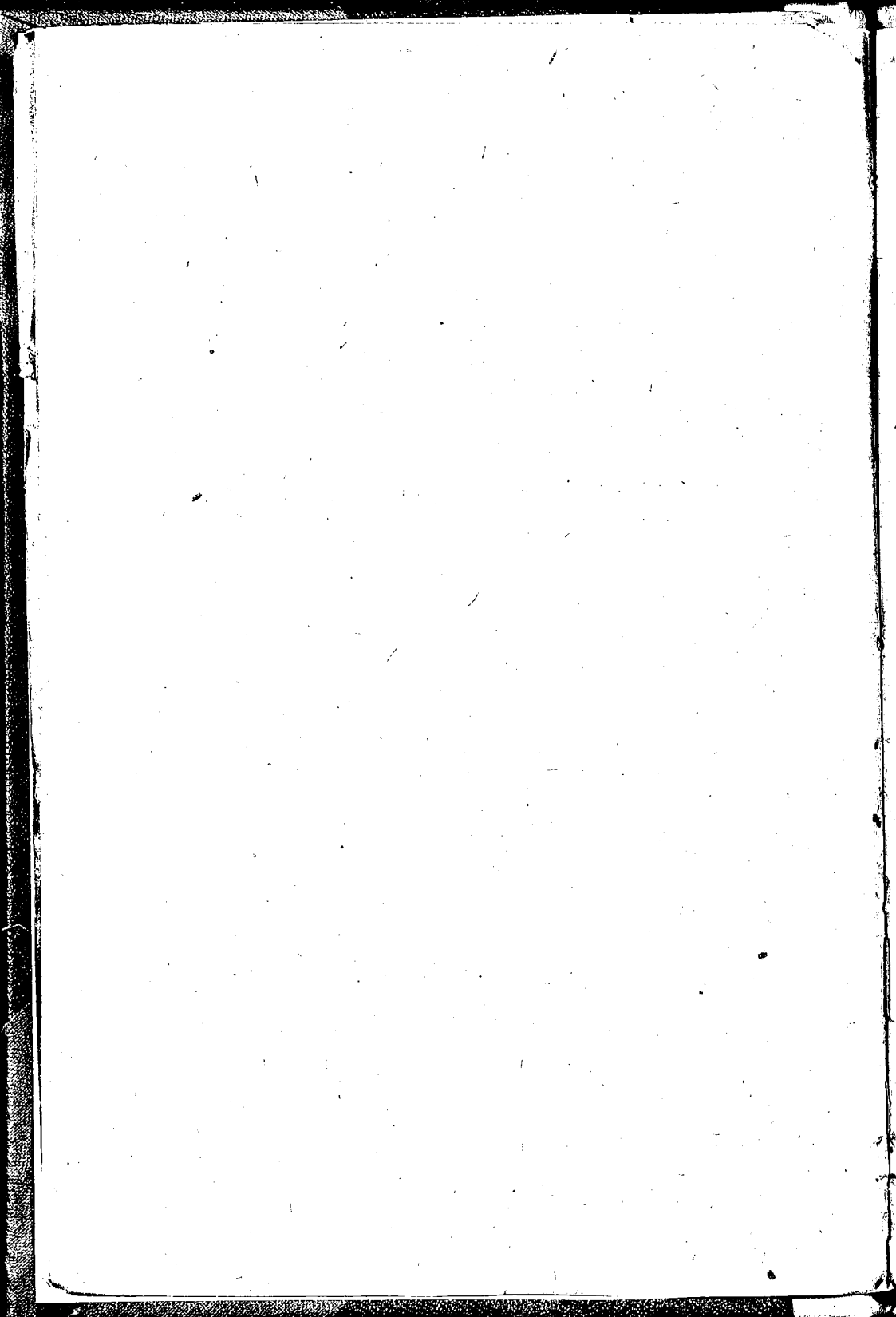
Без предварительного знакомства с революционным движением в России, хотя бы последних десятилетий, — невозможно понять гражданской борьбы 18—20 г.г.

Самый беглый просмотр событий революционной истории последних десятилетий и то дал бы возможность читателю убедиться в близости пролетарской революции в России, а следовательно и гражданской борьбы, поскольку всякая социальная революция (а такой именно и являлась Октябрьская революция) должна сопровождаться ожесточенной борьбой классов.

Знакомство с революционными событиями последних десятилетий убедило бы и в том, что гражданская борьба не могла явиться чем то наносным, „искусственно“ разожженным только в России, а напротив имела глубочайшие корни в русской действительности, явившись результатом экономической и политической обстановки, сложившейся накануне Октября.

Ценность сообщения всех этих сведений, прежде изложения вопросов собственно гражданской борьбы, не должна таким образом браться под сомнение. Тем не менее об'емы настоящей брошюры заставляют сократиться, не останавливаясь слишком подробно на событиях кануна гражд. борьбы.

Настоящая брошюра, затрагивая вопросы гражданской борьбы только в Костромской губернии, кратко коснется и событий предшествующих этой борьбе, начиная их изложение с февральско-мартовской революции 1917 года.

Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии.

I.

Февральский переворот в Костроме не сопровождался упорным сопротивлением сторонников самодержавия вновь нарождающемуся государственному порядку. В общем переворот проходит тихо и мирно. Состояние радости, казалось, охватило все слои населения, свидетельствуя о полной удовлетворенности происходящим. Все спешили заявить себя сторонниками нового строя.

Явные слуги и пособники царизма и те не представляли собою какого-то исключения.

Так, полиция и конно-полицейская стража города и уездов выносят резолюции о признании совершившегося переворота, добровольно себя разоружая.¹⁾

Духовенство переиначивает молитву о царе и царском доме в молитву „о придержащих властях наших“.²⁾

Костромское дворянское депутатское собрание: „приветствует . . . вступление России на путь свободы“, присоединяясь к Временному Правительству.³⁾

Всеобщее ликование, затушевывающее классовые противоречия, и стремление организовать, как можно полнее используя полученные свободы, — вот что бросается в глаза наблюдателю первых дней революции.

Да и могло ли быть иначе, могли ли классовые противоречия тот час же после переворота стать более острыми, чем до него.

Самодержавие оказалось настолько нежелательным для большинства русского населения, что о сопротивлении, о борьбе с революцией не могло быть и речи.

Самодержавные служители, чувствуя свое бессилие, предпочли подчиниться воле большинства.

Буржуазия в результате революции могла почувствовать себя вполне удовлетворенной. Ко всему тому, чем буржуазия располагала до революции (а этого было не мало, хотя бы сверхприбыль, которая у владельцев мануфактур доходила до сотен процентов), она получила политическую власть. Вновь образовавшийся Об'единенный Комитет общественной безопасности дал городу и земству, т. е. по существу буржуазии; почти половину

¹⁾ „Поволжский Вестник“ от 4/III ст. ст.

²⁾ То же.

³⁾ Газ. „Поволжский Вестник“ № 3095.

мест. ¹⁾ Правда, нужно заметить, к власти она шла весьма нерешительно, „с опаской“, с воззваниями о „соблюдении полного внутреннего спокойствия“, с проектами образовать „Комитет Успокоения“, с переговорами у губернатора, ²⁾—но тем менее это не мешало ей быстро освоиться и начать играть роль в общественной жизни губернии с претензией на руководство.

Крестьянин не сожалел о свергнутом царе, потому что он ожидал от революции разрешения земельного вопроса.

„Лишенный престола царь вызывал сожаление у одних только старух“ — докладывал позднее один из делегатов на собрании Советов Крестьянских Депутатов Костромского уезда. ³⁾

Рабочий, добившись осуществления одного из своих заветных желаний — свержения царизма, ушел в работу по организации Советов Рабочих Депутатов, профессиональных союзов, созданию и восстановлению партийных организаций. Недостаточно верно расценивая существующие события и свои дальнейшие задачи, он преждевременно почувствовал удовлетворение.

„Дело сделано и сегодня 4-го марта (старый стиль) с утра в городе должны восстановиться обычные работы на всех фабриках, заводах и мастерских“ — призывает Совет Рабочих Депутатов — рабочих на следующий день переворота. ⁴⁾

„Немецкая армия является в настоящее время оплотом реакции и угрозой делу нашей свободы, . . . мы должны продолжать войну“, — говорит резолюция одного рабочего митинга (от 15/III ст. ст.). ⁵⁾

Аналогичные настроения имели место не только в рабочей среде. Крестьянские и другие общественные организации и органы государственной власти считали также необходимым не допускать обострения политической борьбы, в каких бы формах она не проявлялась.

„Сейчас не может быть никакой речи . . . о недоверии к Временному Правительству“, — заявляет Совет Крестьянских Депутатов (март мес.). ⁶⁾ Костромской Губернский Объединенный Комитет предлагает крестьянам воздержаться от погромов чужого имущества, от поджогов и порубки леса у помещиков, казны и уделов. „Не наносите врагам вашим и противникам личных обид“, — так заканчивает Комитет свое обращение. ⁷⁾

„Никакой партийной розни, ибо она может погубить Россию“ — вот лозунг (лозунг парада-митинга в городе Костроме от 6/III ст. ст.), являющийся характерным для настроений того времени. ⁸⁾

¹⁾ Бюллетень Испол. Ком. Совет. Раб. Деп. № 2.

²⁾ „Поволжский Вестник“ № 3093 и „Северный Рабочий“ № 53.

³⁾ Извест. Об'ед. Ком. общ. безоп. № 12 и № 13.

⁴⁾ Бюллетень Испол. Ком. Сов. Раб. Деп. № 2.

⁵⁾ „Наш Путь“ от 3/III 1918 г.

⁶⁾ Изв. Губ. Об'ед. Ком. общ. без. № 17.

⁷⁾ Изв. Губ. Об'ед. Ком. общ. без. № 15.

⁸⁾ „ „ „ „ „ „ № 3.

Революция, давшая политическую свободу и свержение деспотического самодержавия, давшая и то и другое без особенной затраты сил и напряжений, не могла не опьянить, хотя бы на первое время, массы. Не понимая смысла происходящих событий, в условиях слабой организованности и недостаточного идейного руководства, трудящиеся массы вполне искренне ожидали от буржуазного Временного Правительства удовлетворения своих насущных нужд. Все это обуславливало обстановку того времени, обстановку заглохшей, казалось, классовой борьбы. Этот „всеобщий мир“ по существу своему был только явлением временным. Он нарушается по мере того, как проясняется классовое сознание трудящихся и буржуазия выявляет свое настоящее лицо.

II.

Последующие события дают массу примеров усиления и обострения классовых взаимоотношений в Костромской губернии, на почве неудовлетворенности масс политикой буржуазного Временного Правительства.

Этот процесс наблюдается вплоть до Октябрьской революции, которая, наконец, вносит коренные изменения в эти взаимоотношения, обостряя их до степени гражданской войны.

Прежде всего меняются настроения рабочей массы губернии. Опьянение революцией начинает заметно ослабевать. Достаточно было короткого времени для того, чтобы рабочий мог разобраться и осмыслить окружающую обстановку, определить точнее свои задачи в революции, оформить свои организации и расценить революцию, как революцию буржуазную. Месяцы март и апрель, не имевшие почти забастовочного движения, сменяются месяцами с увеличивающимся числом бастующих и потерянных рабочих дней. Данные об этом, возможно и не совсем полные, можно почерпнуть в отчетах старшего фабричного инспектора по Костромской губернии. В мае месяце бастует 193 рабочих с числом потерянных дней 889, для июня месяца эти цифры соответственно составляют 225 и 636, а июля 239 и 1195.¹⁾ Правда, требования бастующих носят преимущественно экономической характер, но о политических настроениях рабочих можно судить по ряду других документов (резолюции различных собраний того времени).

Так, собрание рабочих завода „Пло“ 5-го июля (ст. ст.) в связи с событиями июльских дней считает лучшим выходом „из создавшегося положения“ организацию „правительственной власти, составленной (только) из представителей Советов“, а не путем коалиции с контр-революционной буржуазией.²⁾

Постановление рабочих той же фабрики в августе месяце в более категорической формулировке требует передачи „всей

¹⁾ По материалам архива Костр. Испарт. Отдела.

²⁾ „Северный Рабочий“ № 12

власти в руки революционной демократии в лице Сов. Раб. Сол. и Кр. Депутатов“, и „сплочения всех сил пролетариата и крестьянства“, считая это единственным выходом из создавшегося положения.¹⁾

Эти настроения являлись общими и распространенными для рабочих всех фабрик в Костромской губернии (аналогичные резолюции выносились на текстильных фабриках в Кинешме, в Вичугском районе и др.). Они вызывались в известной степени локаутом и саботажем фабрикантов и заводчиков и упорным нежеланием их идти навстречу требованиям рабочих. Иллюстрацией этого могут быть следующие случаи.

В июне месяце на фабрике Большой Льянной Мануфактуры выясняется остановка ткацких станков и бездействие ватеров оттого, что соответствующий цех не успевает заготавливать достаточного количества материалов. Расстройство производства упорно не устранялось администрацией фабрики.

В течение сентября на заводе Толстопятова взрывается гидравлический пресс, при чем предохранитель оказывается заклиненным. Перед взрывом администрация настаивала на закрытии завода, что и дает повод заподозривать в порче прессы ту же администрацию.

Аналогичная картина локаута и саботажа происходит на заводе „Пло“, где исчезают ремни и взрывается паровой молот. Все это заставляет рабочих завода открыть запись в боевые дружины для охраны завода. Настаивание администрации на закрытии завода (необходимость закрытия доказывалась путем всяческих „хитроумных комбинаций с отчетностью“), в конце концов приводит рабочих к сознанию необходимости организации рабочего контроля. Требование организации рабочего контроля в дальнейшем и становится лейт мотивом всех постановлений рабочих собраний и организаций целого ряда предприятий губернии.

„Без государственного контроля и регулирования всей крупной промышленности совершенно невозможно правильное распределение рабочих рук, сырья и топлива, без этого нельзя обходиться при хищничестве предпринимателей и возрастании цен. Мы требуем срочного введения контроля и регулирования промышленности в государственном масштабе“, — вот как звучит резолюция рабочего митинга Костромской Большой Мануфактуры²⁾.

На ряду с этим, симпатии рабочего все определеннее и определеннее склоняются в сторону с.-д. большевиков. Положения одной из резолюций общегородского собрания Р. С.-Д. Р. П. (б.) (от 14 июля ст. ст.) — „только пролетариат и крестьянство в тесном союзе могут довести до конца революцию и завоевать землю и волю“, „всю власть следует передать в руки Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов“³⁾ — вполне отражали настроения рабочих и

¹⁾ „Северный Рабочий“ № 35.

²⁾ „Северный Рабочий“ № 33.

³⁾ „Северный Рабочий“ № 20.

находили быстрый отклик в их среде. Пролетариат видел в лице соц.-дем. большевиков своих руководителей и шел за ними, оставляя другие „социалистические“ партии. В этом отношении показательны выборы в Городскую Думу (в июне 1917 г.), давшие соц.-демократам 19.135 бюллетеней (из 32.593) и 46 мест (из 80)¹⁾. Не менее красноречивые данные имеются о росте авторитета и влияния соц.-демократов и в материалах мест, в частности здесь констатируется рост организаций (Кинешемский район), преобладание большевиков в Советах (Середской район), руководящая роль соц.-демократов большевиков при выборах волостных и уездных земств (Кинешма, Вичуга и др.)²⁾.

Подобная же картина изменения отношения к Февральской революции несколько позднее, происходит и в Костромской деревне.

Все возвания и обращения Губернского Об'един. Комитета Общественной Безопасности и Совета Крестьянских Депутатов первых дней революции относительно необходимости сохранять спокойствие и не допускать разрешения земельного вопроса силой, ожидая установления Учредительным Собранием „справедливого порядка“ — оказались тщетными и чуждыми крестьянству.

Деревня изверилась в возможности удовлетворения своих нужд Временным правительством. Она начинает все эти вопросы разрешать вничью порядком. От просьб „об отпуске для населения . . . удельного леса, о наделении крестьян . . . землей под выгоны для скота“ (резолюция одного из волостных собраний Юрьевецкого уезда)³⁾ деревня переходит к захвату земель удельных, казенных, церковных и помещичьих, повергая в прах существующие на этот счет все официальные постановления и формальные условности.

Из различных мест губернии поступают сведения: о постановлениях сдать сенокосные земли в казенных и частновладельческих усадьбах крестьянам, о вырубке леса в усадьбах помещиков, захвате земли, принадлежащей духовным и светским владельцам. Так, например, одно из сельских обществ Мисковской волости (Костр. уезд) довело до сведения Ипатьевского монастыря, что ряд пожней „незаконно принадлежащих ранее монастырю, переходят в распоряжение сельского общества“⁴⁾.

Практика захвата земель и угодий уже к середине июня принимает настолько широкие размеры, что Костромской Губернский Земельный Комитет вынужден был разослать по губернии циркуляр, предлагающий волостным и уездным земельным комитетам „предупреждать и пресекать всякие недостойные звания свободных граждан самоуправные и несправедливые действия отдельных лиц, направленные к захвату у кого бы то ни было

1) „Северный Рабочий“ № 7.

2) Из докладов мест на Губер. Парт. Конфер. с.д. (6) в октябре м.це.

3) Изв. Губ. Об'ед. Ком. общ. без. № 59.

4) „Народ. Свобода“ № 39.

земель, скота, сельско-хозяйственных орудий, лесных материалов, снятию рабочих и т. д.". Разрешая на месте споры и недоразумения, „какие, к сожалению, начинают уже возникать . . . на почве земельных и сельско-хозяйственных отношений“—циркуляр дальше рекомендует волостным и уездным земельным комитетам „подготавливать точный и беспристрастный материал для обсуждения земельного вопроса“ в Учредительном Собрании¹⁾.

Несмотря на такого рода циркуляры, движение получает повсеместное распространение. Мало этого, подобное разрешение земельного вопроса населением все в большей и большей степени окрашивается элементами политической борьбы и общего недовольства Временным правительством.

Волостные сходы (как, например, Коряковский, Костромского уезда) выражают недоверие Губернскому Продовольственному Комитету, отказываются от поставки продуктов для армии и города. В Ветлужском уезде 5 волостей отказываются от поставки скота для армии, мотивируя свой отказ использованием продовольственными органами скота не по назначению²⁾.

Выборная кампания в волостные земства в большинстве мест срывается или проходит при малом числе голосующих. (В Ветлужском уезде из 70.839 голосовало 20.690). Клич: „На сходы не ходить“, „Волостное земство—новая петля на шею“—характеризовал собою оценку крестьянством земской политики Временного правительства³⁾.

Все чаще и чаще на сходах выносятся резолюции с требованием передачи „всей власти в руки народа“, „скорейшего мира на (основе) самоопределения народа, без аннексий и контрибуций“, „освобождения политических деятелей из тюрем“, „немедленного созыва Учредительного Собрания“ и разрешения хлебного кризиса. (Резолюция Писцовской волости, Кинешемского уезда—собрание земских гласных⁴⁾).

Близкой по своим настроениям к крестьянству была и солдатская масса, в значительной доле состоявшая из тех же крестьян. Ряд солдатских митингов своими резолюциями формулируют свои соц.-экономические требования, одновременно с этим выявляя свое отношение к различным политическим партиям.

Так, общеполковое собрание 202 полка (от 5 июля ст. ст.) считает „правильным выходом из создавшегося правительственного кризиса—передачу всей власти в руки революционной демократии в лице Советов“. Собрание полковых и ротных комитетов того же полка, только немного позднее, признает целесообразным „ввести контроль над промышленностью“, „объявить об отмене помещичьей собственности на землю“, „распустить контр-революц. Государственную Думу и Государственный Совет“.

1) „Поволжский Вестник“ № 3167.

2) „Северный Рабочий“ № 17, „Народная Свобода“ № 115.

3) „Северный Раб.“ № 93, „Нар. Свобода“ № 100, „Повол. Вест.“ № 2337.

4) „Воля Народа“ № 92.

Наконец, собрание солдат 202 полка в середине октября настаивает на „немедленной передаче всей власти Советам Раб., Сол. и Кр. Депутатов“ и добавляет, что „все органы должны быть организованы на основе программы соц.- демократов большевиков и интернационалистов, как единственных выразителей воли народов — беднейших, голодающих и истекающих кровью и потом“¹⁾.

Кинешемский солдатский митинг (август месяц) по поводу Московского Сопещания „выносит свое категорическое неодобрение и глубокое возмущение“ меньшевиками и эс-эрами за популистельство контр-революции²⁾.

Отношение солдат к войне может быть выявлено не только на основании знакомства с резолюциями собраний. Массовое дезертирство, увеличивающееся по своим размерам с каждым днем, несмотря на приказы начальника гарнизона о проверке документов специальными нарядами, облавами и т. д. — является достаточно верной иллюстрацией „благонадежности“ солдат.

Все эти политические резолюции сол. и крестьян. собраний указывают на популярность большевистских лозунгов в крестьянской и солдатской массе и на выросший до громадных размеров авторитет партии соц.-демократов большевиков.

Наоборот, авторитет других „социалистических“ партий с каждым днем все падал и падал. Здесь происходит не консолидация сил вокруг партийной организации, а массовой отход из под ее влияния. Эс-эры и меньшевики теряют своих сторонников. Особенно заметен был отход масс из под влияния партии эс-эров, как сравнительно количественно сильной в губернии политической организации. Политика этих партий с каждым днем в меньшей степени начинает отражать настроение масс. —

Так Губернский С'езд Крестьянских Депутатов (в мае 1917 г. руководимый с.-р.) в связи с разрастающимся в губернии захватом земель крестьянами рекомендует „вопрос о земле во всем его объеме“ оставить с разрешением до Всероссийского Учредительного Собрания, пока же „все вопросы и недоразумения, возникающие по поводу аренды земель, покосов, запашек, пастбищ, прогонов, проездов и пр. должны спокойно, без самовольных захватов земли, разрешаться в интересах справедливости“³⁾. В июле-августе Второй Губернский С'езд Крест. Депутатов (руководимый теми же эс-эрами) в своих резолюциях и постановлениях еще в большей степени подчеркивает непонимание интересов и настроений крестьянства. С'езд, возглавляемый эс-эрами Лотошниковым, Козловым, Барыковым, Кондратьевым и др., считает возможным заняться „восстановлением боевой мощи революционной армии, поддержкой займа Свободы“ и выражает полное

1) „Северный Раб.“ № 12, „Воля Народа“ № 70, „Северный Раб.“ № 94.

2) „Северный Рабочий“ № 44.

3) Материалы Первого С'езда Костр. Губ. Сов. Кр. Депут. 7—11 мая, опубликованные в газетах.

доверие Временному правительству, обещая последнему „действительную поддержку“ и „исполнение всех его требований“¹⁾.

Все это делалось в то время, когда крестьянство изнемогало от войны, когда дезертирство из армии возрастало, когда крестьянство, потеряв веру в разрешение земельного вопроса Временным правительством начало решать этот вопрос самостоятельно.

Вполне понятным поэтому становится и тот злобный тон, к которому все чаще и чаще начинает прибегать партия эс-эров в своей полемике с соц.-демократами большевиками. На упоминаемом выше Втором Губ. Съезде Крестьянских Депутатов в июне-августе месяце лидер правых эс-эров Лотошников так расценивал земельную политику большевиков и отношение к ней партии эс-эров: „Нам не по пути с большевиками, которые говорят об организованном захвате земли теперь же Мы им скажем: Руки прочь от деревни, если они это будут проводить“²⁾.

Такой тон при оценке деятельности большевиков начинает практиковаться и другими „социалистическими“ и не социалистическими партиями. Кадеты³⁾ в этой кампании травли играют далеко не последнюю роль, во многом опережая соц-рев.

Предвыборную работу большевиков (выборы в Городскую Думу в июне месяце, давшие соц.-дем. большинство) кадеты, не стесняясь, квалифицируют, как „приемы демагогов так живо напоминающие былую тактику черносотенцев“⁴⁾.

Эта общность в оценке политики большевиков контр-революционными партиями имела под собой, конечно, и более серьезные основания. Успех большевистских лозунгов толкал различные партии к сближению между собою и организации единого контр-революционного блока.

На Втором Губернском Съезде Крестьянских Депутатов будущий кандидат в Учредительное Собрание Кондратьев договаривается до признания необходимости единения „во имя спасения родины и революции революционной демократии с капиталистами и буржуазией за исключением земельной“ (?)⁵⁾.

Словом, политическая обстановка губернии к моменту Октября была такова, что с одной стороны происходит сближение рабочих и крестьянских масс на основе лозунгов: „Вся власть Советам“, „Прекращение империалистической войны“, „Введение рабочего контроля“ и „Передача земель крестьянству“—основных лозунгов партии с.-д. большевиков.

1) По опубликованным в газетах отчетам 2-го Губ. Съезда Кр. Деп.

2) По опубликованным в газетах отчетам 2-го Губ. Съезда Кр. Деп.;

3) В целях популярности изложения партия констит.-демократов будет называться в дальнейшем изложении „кадетами“.

4) „Народная Свобода“ № 45.

5) По опублик. в газетах отчетам 2-го Губ. Съезда Кр. Деп.

С другой же стороны в противовес этому происходит сближение „вольное и невольное“ всего антисоветского, всего антиреволюционного, всего не сумевшего связать свои действия и свое поведение с запросами масс и потерявшего авторитет у населения.

III.

Октябрьский переворот в центре не обозначал еще для ряда городов перехода власти в руки Советов. В провинции этот переход совершается с большим или меньшим запозданием. В частности, в Костроме он формально произошел только в декабре 1917—январе 1918 года (Губернский Военный Революционный Комитет окончательно организуется 15 декабря по нов. стилю) ¹⁾ хотя фактически переход власти в руки Советов нужно считать ранее.

Несмотря на такое запоздание формального перехода, Костромской Совет уже после Октябрьского переворота фактически становился органом государственной власти. Последнее обстоятельство объясняется тем, что к моменту революции в ряде организаций губернии большевики имели или большинство или играли руководящую роль (Городская Дума, Совет Раб. и Солдатских Депутатов).

Все это не могло не толкнуть различные контр-революционные партии и группировки на известную „активность“. Эта „активность“ выражалась или в форме протестующих резолюций или же в худшем случае, принимала характер организационной работы. Целью всей контр-революционной деятельности становилось: противодействие дальнейшему усилению Советов и окончательному переходу в их руки политической власти.

Достаточно красноречиво говорят об этом такие примеры.

12-го ноября экстренное собрание делегатов губернского союза организаций служащих общественных, правительственных, кооперативных и частных учреждений признает, „что единственной правомочной и всенародно признанной властью является Временное правительство. . . . Всякую попытку отдельных партий захватить власть в свои руки . . . накануне выборов в Учредительное Собрание“ считает „преступлением против родины и изменой делу свободы“. В заключение союз призывает не исполнять „никаких распоряжений так называемых народных комиссаров... ни в какие сношения с ними не входить, изданным ими распоряжениям не подчиняться, уполномоченных ими лиц в учреждения не допускать, а в случае их появления в учреждениях объявлять забастовку“ ²⁾.

¹⁾ В целях большей ясности изложения в первых двух главах допущено обозначение дат по старому стилю. Во всех же последующих главах имеет место новый стиль, при чем об этом в каждом отдельном случае специальной оговорки не делается.

²⁾ По материалам архива Костр. Научн. Общества.

13-го ноября другое собрание служащих, в правительственных общественных и частных учреждениях призывает „всех граждан страны бороться всеми силами против вооруженного захвата власти социал-дем. партией большевиков и всемерно поддерживать все народно признанное каолиционное Временное правительство“¹⁾).

В закрытом заседании стачечного комитета союзов служащих от 14-го ноября было постановлено: организовать „центральный распорядительный комитет союзов служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях“. В состав этого комитета вошло все правление союза служащих правительственных учреждений и по два представителя от других союзов²⁾).

Необходимо оговориться, что позднее боевое настроение служащих заметно ослабевает. Так, например, уже 9-го декабря тот же центральный распорядительный комитет, заслуш в доклад о возможности образования в Костроме военно-революционного Комитета, постановляет, что „образование Военно-Революционного комитета не влечет за собой активного выступления со стороны учреждений“³⁾).

Еще позднее, 11-го декабря инициативная группа служащих особым воззванием приглашает служащих и рабочих городского самоуправления протестовать против „кадетской“ резолюции совета союза служащих. Далее инициаторы организуют новый союз с советской платформой и противостачечный комитет⁴⁾).

Тем не менее определенная часть служащих продолжает оставаться на непримиримых позициях, расценивая деятельность нового союза „непристойной и недостойной служащих общественных организаций, но достойной только молодцов из чайной союза русского народа“⁵⁾).

Достаточно ярко выражают свое отношение к происходящему и постановления органов самоуправления, в большинстве случаев возглавляемые кадэтами, соц.-рев. и соц.-дем. меньшевиками, не говоря уже о чисто партийных постановлениях (соц.-рев., меньшевиков, кадэтов). Правда, тон этих протестов в ряде случаев таков, что по нему можно судить только о слабости, о несостоятельности протестующих.

Так, к.-д. в своем протесте на общем собрании костромской орг-ции от 8-го ноября чистосердечно признает свое бессилие. Лидер к.-д. Доброхотов на собрании констатирует, что „местный комитет бессилеен что-либо сделать“ в смысле предотвращения повторений событий Петрограда в Костроме, ибо „на стороне большевиков торжество грубой силы, противиться кото-

1) „Поволжский Вестник“ № 3280.

2) „Поволжский Вестник“ № 3280.

3) „Поволжский Вестник“ № 3301.

4) „Северный Рабочий“ №№ 128, 131, 136, 137.

5) „Поволжский Вестник“ № 3312.

рой немислимо. Возможно лишь выражение протеста, полное непризнание и всяческое противодействие новому правительству" (в резолюции слово правительство взято в кавычках).¹⁾

Меньшевики на собрании от 11-го ноября собираются принять все меры к тому, чтобы „изолировать большевистское восстание от народных масс, обезвредить большевиков и довести начатую по выборам в Учредительное Собрание работу до конца“²⁾.

Соц.-рев. на состоявшемся в декабре м-це 4-ом с'езде партии, выражают глубокое убеждение, что „вывести страну из анархии и разложения может только Всенародное Учредительное Собрание“³⁾. Следует оговориться о несогласии с такой точкой зрения левой части с'езда в лице левых с.-р. Последние затем в дальнейшем на уездном С'езде Крестьянских Депутатов и Губернском совещании Совета Кр. Депутатов откальваются от правых с.-р. и начинают работать в контакте с соц.-дем. большевиками.

Протестующее настроение охватывает почти все уездные Объединенные Комитеты Общественной Безопасности (Чухломский Об'ед. Ком. Общ. без. и др.) Уездные Земские собрания и Управы (Макарьев., Кинешма, Кострома и др.), Уездные Городские Думы (Ветлуга, Макарьев и др.), Губернскую Земскую Управу⁴⁾, короче говоря все те организации и учреждения, которые по своему классовому существу и не могли избрать иного пути поведения.

Вся эта кампания противодействия совершающемуся перевороту не достигла и не могла достигнуть своей цели. Необходимость перехода власти в руки Советов была достаточно глубоко осознана трудящимися массами. Резолюции потерявших всякий авторитет у масс политических организаций не могли изменить создавшуюся обстановку. Прочность создавшейся обстановки можно подтвердить рядом резолюций собраний рабочих и солдат, которые своей категоричностью разбивали всякое сомнение в возможности перехода власти Советам.

Около 9-го декабря соединенное заседание полкового и ротных комитетов 202 пехотного запасного полка высказывает свою готовность „оказывать безусловную поддержку вновь переизбранным Советам и требует немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов Раб., Солд. и Кр. депутатов“⁵⁾.

Общее собрание рабочих завода „Пло“ от 4-го декабря находит, „что Исполнительные Комитеты Советов, вопреки определенным постановлениям Советов, фабрично-заводских, полковых и ротных комитетов и правлений профсоюзов, действовали до сих пор слишком вяло и нерешительно“, требует „немедленного

1) „Поволжский Вестник“ № 3277.

2) „Поволжский Вестник“, № 3279.

3) „Воля Народа“, № 122, 125.

4) „Изв. Об. Ком. Общ. без.“ № 174, „Поволжск. Вестник“, №№ 3282, 3292, 3306, „Воля Народа“, №№ 114, 132.

5) „Социалистич. Революция“. № 13.

создания в Костромской губернии органов революционной советской власти и немедленного проведения в жизнь декретов Всероссийских Съездов Советов и Совета Народных Комиссаров".¹⁾

О прочности обстановки и авторитете большевиков говорят и выборы в Учредительное Собрание по городу Костроме, давшие списку № 4 (большевиков) 43,5 процентов всего числа избирателей.

В обстановке таких настроений вся кампания протеста антисоветских партий и групп должна была оказаться несостоятельной.

IV.

7-го декабря Костромской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов выносит постановление о создании „полновластного Губернского Революционного Комитета“, а 15-го декабря Военно-Революционный Комитет объявил всем Уездным Советам о своем образовании.²⁾

Немного позднее (13-го января 1918 года) на заседании Исполнительных Комитетов Советов Раб. Солд. и Кр. Депутатов принимаются постановления о формальном слиянии Советов и избрании общего президиума.³⁾

Одновременно с этим происходит организация Революционного Трибунала, Отделов Совета Раб. Солд. и Кр. Депутатов, принимается и утверждаются основные положения о задачах Совета, как „органа государственной власти“ и „боевого органа рабочего класса“.⁴⁾

Аналогичная картина с тем или иным запозданием происходит и на местах. Характерны случаи признания некоторых уездных органов самоуправления своей неспособностью работать и добровольного отказа от своих полномочий (Кологривская Городская Управа, Ветл. и Солиг. Прод. Упр.⁵⁾

К марту месяцу 1918 года в уездных городах губернии и волостях власть сосредотачивается в руках уездных и волостных Советов. Подъем, инициатива населения в устранении уездных комиссаров, волостных Земельных Комитетов, волостных и уездных Земских Управ, присоединение к постановлениям и декретам Сов. Нар. Комиссаров, 2-го и 3-его Всероссийских Съездов Советов — вот, что можно было констатировать в то время в губернии.

К 4-му Губернскому Съезду Советов (март месяц) Костромская губерния могла уже считать для себя эту часть грандиознейшей работы по организации нового государственного порядка, завершенной.

¹⁾ „Северный Рабочий“ № 124.

²⁾ „Северный Рабочий“ № 129, № 133

³⁾ „Советская газета“ № 1.

⁴⁾ „Советская газета“ № 2.

⁵⁾ „Поволжск. Вестник“ № 3309, № 3297.

Переход в руки пролетариата политической власти сопровождается ломкой старого аппарата власти и мероприятиями экономического характера, направленными к ослаблению и подчинению себе буржуазии. Все это вносит еще большее обострение в классовые взаимоотношения и начинает больно бить буржуазную часть населения. Назревает почва для всякого рода контр-революционных организаций и восстаний.

Вскоре же после перехода власти в руки Советов (февраль м-ц), Городская Дума постановляет объявить торговые ряды и лавки собственностью города, аннулировав арендные договора между владельцами лавок и арендаторами помещений.

Позднее президиум Исполнительного Комитета Советов предлагает Управлению Костромского Отделения Государственного Банка, „денежные кладовые вскрывать и запечатывать в присутствии комиссара, печать Банка передать на хранение комиссару“ и целый ряд функций производить с разрешения комиссара Исп. Ком-та или президиума Исп. К-та.

Наконец, в феврале же месяце Исп. К-т Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов предложил Торгово-промышленному Союзу и Обществу фабрикантов и заводчиков внести на текущий счет Совета в 3-х дневный срок три миллиона рублей для организации Красной армии, партизанских отрядов и укрепления советской власти.

Все эти мероприятия Советов вызывают со стороны буржуазии саботаж (правда, саботаж отчасти уже и ранее практиковался ею), отказ в выплате денег, резолюции протеста и закрытие всех магазинов. Короче говоря, буржуазия становится открыто на путь борьбы с советской властью, внося еще большую разруху в промышленность, торговлю и продовольственное дело.

В ответ на это 4-ый Губ. Съезд Советов вынужден был предложить Исполнительному Комитету „увеличить размер единовременного налога“, „владельцев-саботажников арестовать, а также арестовать агитаторов контр-революции и передать их в распоряжение“ революционного суда. „Все склады, магазины и находящиеся в них товары взять на учет в распоряжение и под контроль Советов при помощи торгово-промышленных служащих“. Настоящее предложение Съезд счел необходимым провести „в пределах всей губернии на уездных и волостных съездах по отношению к владельцам-саботажникам разных предприятий“, ¹⁾ ибо аналогичная картина обложения капиталов, описей имуществ помещиков и т. д. происходила и на местах.

Выявляли лицо контр-революции и другие мероприятия советской власти: Декрет об отделении церкви от государства был тотчас же использован обиженной частью населения и в первую очередь духовенством. В Костроме и ряде уездных городов устраиваются крестные ходы под лозунгом: „Большевики

¹⁾ По архивным материалам Испартотдела.

разрушают церковь и гонят веру". В проповедях с амвона и агитации вне стен церкви истинный смысл декрета искажается. К погромной агитации духовенства присоединяются и другие активные руководители контр-революции. Ярыми заступниками якобы „гонимой“ церкви становятся ка-деты. На митинге в Дворянском Собрании 20-го февраля они громче всех призывали на борьбу с рабоче-крестьянским правительством за „церковь христову“. ¹⁾ К-д. Травинов выступает в церквах и на митингах в защиту церкви и против власти Советов, а другие лидеры Огородников и Карашевич действуют в том же направлении через печать, доказывая несвоевременность отделения и ссылаясь на опыт Западной Европы.

Отношение так называемых „революционных“ партий в особенности четко сказалось в связи с ликвидацией Городских Дум и земских учреждений.

Постановление Губисполкома о переходе городского и земского самоуправления в ведение Советов состоялось в марте месяце. Вместе с этим губернским комиссаром был разослан циркуляр по уездным земским и городским Управам о передаче всех функций, средств и рабочего аппарата этих органов соответствующим Советам.

Несоветская часть депутатов Костромской Городской Думы по получении этого циркуляра демонстрирует свое неудовольствие и свое недовольство. Так гласный Дурново (к-д.) бросил следующую фразу: „то, что мы видим сейчас во всей стране, должно привести нас к заключению, что одними резолюциями сейчас уже не помржешь“. С.-р-ы и меньшевики выработали текст обращения к населению, в котором протестовали против разгона Думы. ²⁾

Подобное отношение к роспуску Городских Дум и земских учреждений высказывались представителями контр-революционных партий и по уездам.

Говоря здесь преимущественно о настроениях города, нельзя не упомянуть и о наличии контр-революционной оппозиции в деревне. Обиженный помещик, недовольное отделением церкви от государства и лишенное земель, угодий и торговых предприятий духовенство находят себе в деревне союзника — кулака. Правда, кулак пока еще не выказывает себя слишком грозной силой. Кулак проявляет себя немного позднее.

В начале 1918 года контр-революционеры могли найти достаточно горючего материала в уездных городах, оторванных от пролетарских центров. Первыми контр-революционными восстаниями против советской власти и были восстания в Солигаличе и Кологриве.

¹⁾ „Советская газета“ № 31.

²⁾ „Советская газета“ № 59.

V.

В Солигаличе уже вскоре после Октябрьского переворота местная интеллигенция, купечество, офицерство и духовенство начинает вести антисоветскую агитацию. Пускаются слухи, что Советская власть ведет к развалу России, к гибели христианской религии, что уездный Совет во главе с Вылузгиным намерен реквизировать все церковные и монастырские имущества, снять с могил кресты, ограды, перелив последние в земледельческие орудия. Эта агитация определенным образом настраивала массы обывателей, мало разбирающихся, в особенности в то время, в текущей политической жизни.

Числа 21-22 февраля в Солигаличе было обнаружено существование заговора против членов Совета. Организовавшаяся группа контрреволюционеров, человек в десять, предполагала расправиться с председателем Совета Вылузгиным. В случае удачи контрреволюционеры намеревались пустить слух, что Вылузгин бежал, захватив с собою казенные деньги.

25 февраля собрание одной из прилегающих к городу волостей потребовало регистрации хлеба в Ратьковском монастыре, находящемся на земле, принадлежащей волости. Этот случай был использован недовольной Советской властью частью населения города.

Повелась с удвоенной энергией агитация, призывающая „верующих“ стекаться к монастырю—отстаивать его от предстоящего „грабежа“. В этой компании, подготавливающей восстание, вырисовывается головка руководителей с определенной социальной физиономией. Ими оказались офицеры Астраханский, Потехин, Филиппов, Шорохов и др., член Союза Русского Народа Ереминский и, наконец, духовенство, в первую очередь монастырское.

26-го февраля общее собрание граждан, руководимое Астраханским, постановило послать в Совет делегацию с требованием: „не допускать реквизиции хлеба, разоружить Красную гвардию (еще не организованную в то время в Солигаличе!?) и выдать оружие“. Между прочим, собрание приглашает к совместному выступлению гарнизон (недемократизированные солдаты), который уже частью был склонен на сторону контрреволюционеров предварительной работой организаторов восстания и стараниями воинского начальника Иванского.

Наэлектризованная толпа, в результате этой агитации, направляется к зданию Уезд. Исп. Комитета. Когда шли переговоры делегации, происходит захват оружия, которое подвозится к сходу и раздается на нем. Выстрел Вылузгина в воздух с требованием разойтись не производит отрезвляющего действия. В ответ из толпы раздаются выстрелы. Вылузгин оказывается раненым. Большинство членов Испол. К-та было избито и арестовано. Дороги в те волости, от которых Совет ждал энергичной под-

держки, были заняты патрулями контр-революционеров. Части членов Исп. К-та все же удается выбрать и поставить в известность о происходящем окружающие города.

В этот же день, 26-го февраля, организуется „новая власть“ в Солигаличе, присвоившая себе наименование Временного Совета. От имени этого органа, состоящего в значительной части из офицеров (Астраханский, Потехин и др.) и духовенства (протоиерей Смирнов и др.), выпускается воззвание, сообщающее о смерти председателя Уездного Совета Вылузгина (в действительности заколотого в больнице штыками—27 февраля) и о том, что члены Совета разбежались.

Неоднократно устраиваемые собрания граждан (собирались ли все граждане города—приходится сомневаться) передавали на разрешение Временного Совета вопросы об окончательном сконструировании власти в городе и уезде, об организации милиции и информации населения уезда о событиях и судьбе арестованных. Для выяснения „вины“ арестованных советских работников была организована следственная комиссия.

С первых же дней новые „властители“ должны были почувствовать себя непрочно, что мешало, конечно, развить им организационную работу.

Циркулирующую по городу слухи о готовящемся нападении со стороны крестьян окрестных волостей (слухи эти имели основание, так как Великовская и Костромская волости на собраниях 27-го февраля и 3-го марта по докладам бежавших из Солигалича членов Уездного Совета постановили: „стереть с лица земли всех солигаличских контр-революционеров и обратиться с призывом ко всем волостям уезда о поддержке“) и слухи о приближении карательных отрядов заставили контр-революционный Временный Совет расставить по всем дорогам, ведущим в город, патрули. Все внимание направляется на самооборону.

Отсутствием поддержки в массах населения и объясняется быстрая ликвидация восстания. Прибывший первым в Солигалич Вологодский отряд Красной армии в городе сопротивления не встретил: Временный контр-революционный Совет разбежался, просуществовав всего семь дней¹⁾.

Немногими днями позднее, а именно 24-го марта, разыгрывается точно по такой же программе контр-революционное восстание в другом уездном захолустье—Кологриве.

Почва для контр-революционной вспышки в этом городе была еще более благоприятной, чем в Солигаличе. Организовавшаяся только в начале января 1918 года, Советская власть рядом своих мероприятий сильно задела зажиточную часть населения:

¹⁾ Материалы о Солигаличском выступлении взяты из архива Костр. Исп. парт. отдела, брошюры: „В. А. Вылузгин“ 1887—1918 г. Труды Солигалич. Отд. Костр. Науч. Об-ва, вып. II, и газетных сообщений („Советская Газета“ №№ 41, 52, 61).

города и деревни. Одним из первых постановлений Совета было —наложение на буржуазию контрибуции и реквизиция по твердым ценам хлеба у кулачества волостей уезда. Слабость органов Советской власти, еще не успевших окрепнуть и подчас не находящих правильного пути в своей работе (работать приходилось без инструкций и положений, без опытных работников, со слабой связью с губернским центром) обуславливала в работе Советов целый ряд вполне естественных ошибок. Это обстоятельство использовалось контр-революционерами и в частности —кологривскими меньшевиками и соц-рев., сумевшими организовать вокруг своих лозунгов борьбы с Советами местную интеллигенцию, офицерство, гимназистов и, наконец, стражников и проч. служителей старого строя. В начале марта на различных городских собраниях в Кологриве открыто призывалось к вооруженному столкновению с Советской властью.

24-го марта, в базарный день, толпа, взбудораженная агитацией определенных лиц, во главе с быв. офицером Борисовым, разоружает в казармах красно-гвардейский отряд, захватывает склад винтовок и патронов, набрасывается на совет и, избивши членов Совета до полусмерти, заключает их в тюрьму.

Группа, руководившая восстанием, выделяет из своего состава „орган власти“. Меньшевик Алякринский берет на себя обязанность комиссара юстиции и своим именем арестует Исполком Совета. Меньшевик Аверин и бывшие офицеры Белоруссов, Назаров, Данилов, Никитин и др., вместе с тем же самым Алякринским, входят в состав организованного Временного Исполнительного Комитета („Временное правительство“).

Сознание беспочвенности восстания и быстрое охлаждение толпы вынуждает руководителей переворота придать всем своим контр-революционным поступкам видимость не свержения власти Советов, а „охраны Исполкома от зверской расправы толпы“.

25-го марта офицер Васильев еще призывает организовать боевую дружину на случай появления карательного отряда, а 27-го — Временный Исполнит. Ком-т счел почему-то нужным сообщить об аресте членов Исполнительного Ком-та и Красной армии Губернскому Исп. Ком-ту.

Узнав о движении карательного отряда, Временный Исп. Ком-т выпускает из тюрьмы арестованных членов Кологривского Совета и предлагает им работать „в контакте“. Когда это не удается, навстречу карательному отряду высылаются депутаты с сообщением, что Исполнительный Ком-т не арестовывался, а охранялся от враждебно настроенной к Советам толпы.

Несмотря на такое „умаление“ своей роли кологривскими контр-революционерами и желание придать своим действиям вид хотя бы некоторой „законности“, отряд не застал в городе членов контр-революционного Временного Исполнительного Ком-та — Временное правительство все разбежалось.

VI.

К весне, и лету и в особенности осени 1918 года положение Советской республики становится чрезвычайно тяжелым. Наступление чехо-словаков, раскрытие белогвардейских организаций и заговоров в Москве и других местах России, продовольственные затруднения, промышленная и транспортная разруха, безработица и т. д., — все это давало себя сильно чувствовать и в Костромской губернии.

Здесь, в частности в самом городе Костроме, различные контр-революционные партии, в сторону которых начинают склоняться и левые с-р., ведут деятельную агитационную кампанию. На ряде митингов, вскоре же после 4-го Губ. Съезда Советов (март месяц), меньшевики проводят мысль, что социализм, о котором говорят большевики, „нельзя насадить силой“, т. к. он-де не встречает сочувствия у большинства народа. Левые с-р. высказываются против „Брестской передышки“, считая ее „отдышкой“ для Гинденбурга и требуя продолжения войны.¹⁾

Подпольная и открытая работа контр-революционеров, организация ими ряда митингов на Костромских фабриках под лозунгами: „Долой хлебную монополию“, „Созыв Учредительного Собрания и свержение Советской власти“—создали колеблющееся настроение у значительной части рабочих. Успеху их не мало способствовало и то, что Костромские фабрики в результате систематических мобилизаций коммунистов были идейно ослаблены. В результате — выборы Городского Совета в мае 1918 года дали большинство меньшевикам и правым с-р.²⁾

Не безынтересно отметить здесь же, что меньшевики и соц.-рев., получив большинство, вовсе не собирались организовывать свой Исполнительный Комитет и приступить к деловой, творческой работе—их агитация преследовала всего лишь демонстративные цели. Такое положение дел заставило коммунистическую часть Исполнительного Комитета Городского Совета Рабочих Депутатов просить рабочих вновь переизбрать Совет для замены меньшевиков и правых соц.-рев. „представителями рабочих, стоящих на точке зрения защиты власти рабочих и беднейшего крестьянства“.

Контр-революционеры деятельно работают и над разложением целого ряда советских учреждений. На работу такого рода указывают прения по докладу Комиссариата Юстиции на 5-ом Губ. Съезде Советов. Здесь отмечалось, что в Комиссариате слишком много старого „николаевского“, что Комиссариат состоит из старых чиновников, что от Комиссариата с таким составом нельзя было ожидать самых чистых контр-революционных действий. Указывалось, как на иллюстрацию этого „николаевского“, на арест женщины с грудным ребенком, что не могло не вызвать возмуще-

1) 2) Материалы Архива Костр. Истпаротдела.

ния органов Советской власти. По делу о разгроме Кологривского Исполнительного Комитета те же органы юстиции не нашли в этих действиях состава преступления (показательно — в следственной комиссии при трибунале заседало 4-ре офицера). Другой пример: Совет Нар. Хозяйства до мая месяца был меньшевистским и саботаж в этом важнейшем органе Советской власти процветал более чем где либо. ¹⁾

Если выступления в городах открыто и не происходили после Солигаличского и Кологривского восстания, то это объяснялось в известной степени работой органов Чрезвычайной Комиссии (организованных в мае месяце 1918 года) и главным образом той массовой поддержкой и сочувствием, которыми пользовалась Советская власть в городах губернии.

Все же в это время контр-революция проявила себя и активно:

Так, летом, 1918 года, Костромская Губ. Чрезв. Ком-сия раскрывает в городе Костроме контр-революционный заговор под наименованием „Общества Спасения России (или „Двухглавого Орла“). Раскрытая организация по своим целям была чисто монархической и имела связь с московскими, петроградскими, саратовскими, астраханскими и др. контр-революционерами. К заговору были причастны меньшевики и правые соц-рев. ²⁾

В июле 1918 года в связи с ярославским мятежом Костромской Чрезвычайной Комиссией за неделю до выступления был раскрыт офицерский заговор. (Костромское офицерство имело определенную связь с ярославцами, подготавливая восстание и в Костроме.) Часть членов офицерского союза была арестована, а часть успела бежать. На помощь Союзу из Ярославля был двинут отряд из числа войск командующего Ярославской контр-революционной армией полковника Перхурова. Контр-революционеры были встречены и разбиты сотрудниками Костромской Чрезв. Ком-сии в 30 верстах от Костромы. ³⁾ Попытка вызвать в Костроме восстание не удалась. Союз перекинул свою деятельность в села и деревни губернии, где результаты его контр-революционной работы позднее и сказались.

VII

Наконец, нельзя не сказать о наличии к середине и концу 1918 года сильного контр-революционного движения, по преимуществу кулацкого, в деревне.

Еще весной 1918 года из различных мест губернии начинают поступать сведения о том, что кулаки поднимают голову, проби-

¹⁾ Архивные материалы Костр. Испарат. Отд.

²⁾ М. Я. Лацис (Судрабс) „Два года борьбы на внутреннем фронте“ Гос. Изд. 1920 г. стр. 24.

³⁾ Данные Костр. Отд. ОГПУ, опублик. в № 291 „Северн. Прав.“ от 19/XII 26.

раются в Советы, используют продовольственные затруднения, осуждают монополию на предметы потребления, агитируют за свободу торговли, чернят на сходах советских работников, обвиняя их во взяточничестве, хищениях, растратах и призывая разгонять Советы. Благодаря такому поведению, кулаки часто попадали в Советы и из агитаторов, таким образом, превращались в контр-революционного дельца. Они начинают возвращать себе обратно часть наложенных контрибуций, „укреплять от крестьянских посягательств имеющееся у них количество земли“.

Весенний учет хлеба в волостях встречает сильное противодействие со стороны кулачества и проч. контр-революционеров деревни, подчас увлекающей за собой целые волости (например, Семеновская волость, Костромского уезда, в апреле месяце постановила не производить учета хлеба).¹⁾

Выборы в Совет и земельные комитеты начинают все чаще и чаще использоваться кулаками в своих целях. В случае неудачи кулаки ставят органы местной власти в такое положение, что тем ничего не оставалось делать, как сложить свои полномочия (в мае месяце сельсовет д. Алферово, Шунгенской вол., Костр. уезда, при выборах вол. зем. к-та вынужден был сложить свои полномочия, а кулаки провели своего представителя. Семеновский вол. совет, Костромского уезда, в июне месяце вынужден был сложить свои полномочия „в виду частых угроз со стороны кулацких элементов волости“).²⁾

В июне месяце 5-ый Губ. С'езд Советов по вопросу о проведении закона о социализации земли должен был констатировать, что одной из причин недостаточной продуктивности работы является „саботаж со стороны кулацких элементов, помещиков и всех сторонников контр-революции“. Саботаж этот заключался в срыве земельной политики кулаками, засевшими в земельных органах и препятствующих социализации земли. Были волости, в которых взятые на учет помещичьи имения не передавались крестьянству. Все это вынудило 5-ый Губ. С'езд рекомендовать местам энергично бороться с саботажем и агитацией кулаков, „выселить помещиков и их управляющих из имений“, посевам быв. частных владельцев передать местным Советам „для распределения между нуждающимися“.³⁾

В обстановке продовольственных затруднений, разрушения хозяйства и подчас неверного представления о власти Советов, влияние кулачества приобретает настолько большое значение, что даже на уездных с'ездах их роль становится заметной. В мае месяце на Нерехтском уездном с'езде, изобилующем представителями кулацких слоев населения, выносится постановление о „заготовке хлеба нелегальным путем“, о введении в „школах

1) „Советск. Газета“ № 80.

2) „Советская Газета“ № 92, № 132.

3) По материалам Костр. Истпарт. Отдела.

обязательного преподавания закона божия" и нежелательности празднования 1-го мая. ¹⁾

Другим примером такого влияния кулаков является поход ряда подгородних волостей в Кострому для ходатайства об отмене хлебной монополии, организованный по инициативе Шишкинской волости. В связи с этим походом положение оказалось настолько серьезным, что Президиум 5-го Губ. Съезда Советов должен был объявить 15-го июня город на военном положении. ²⁾

Летом 1918 года кулачество давало нередко о себе знать. К осени этого же года в связи с проведением в губернии агрестариата и беднейшего крестьянства в области продовольственного дела, с момента организации по волостям Комитетов Бедноты и посылки продовольственных отрядов, — кулачество становится в деревне активной контр-революционной силой.

6-й Губ. Съезд Советов (сентябрь месяц) в связи с проведением этого обращения в жизнь, нашел работу по учету продуктов сельского хозяйства весьма трудно выполнимой, из-за серьезного противодействия со стороны кулацких слоев деревни. Съезд счел необходимым „начать самую беспощадную борьбу с кулаками внутри волостей вплоть до посылки реквизиционных отрядов и конфискации всего их имущества и высылки их в город на общественные работы“. ³⁾

Мало этого, продолжавшаяся гражданская война требовала от страны мобилизации солдат, мобилизации лошадей и, наконец, реквизиции фуража (декрет С. Н. К. от 26-го августа 1918 года о призыве на военную службу по Костромской и Иваново-Вознесенской губерниям 1893—1897 годов рождения и т. д.) Это обстоятельство создавало обстановку еще более напряженной и давало в руки контр-революционеров лишние шансы для успеха своей агитации. Вот почему осень 1918 года ознаменовалась в Костромской губернии рядом контр-револ. выступлений по уездам, среди которых по своему масштабу, упорству и пожалуй типичности заслуживает наибольшего внимания Ветлужско-Уренское восстание.

Из наиболее заметных контр-революционных восстаний в деревне, руководимых кулаками и прочими контр-рев-ми можно привести следующее.

В ноябре месяце (7-го) в селе Сидоровском Нерехтского уезда толпа только что мобилизованных крестьян, подогретая агитацией ряда граждан и в частности местной торговли Кольцовою, пробовала воспрепятствовать манифестации в связи с годовщиной Октябрьской революции. Из толпы раздавались выкрики: „Нас грабят и с голоду мортят“, „Долой Советы, их надо разор-

¹⁾ „Советская Газета“ № 96.

²⁾ ³⁾ По материалам Костр. Истпарт. Отдела.

вать". Прибывший из Нерехты отряд 9-го ноября прекратил безобразия, арестовав агитаторов.¹⁾

Крупней по масштабу волнения разыгрываются в середине ноября месяца 1918 года в ряде волостей Макарьевского и Кологривского уездов. В этом случае оно было связано с объявлением мобилизации молодых солдат, реквизицией лошадей и фуража. Культурнопросветительная деятельность органов советской власти в связи с этой кампанией совершенно отсутствовала, благодаря чему среди населения циркулировали самые нелепые, самые невероятные слухи. Слухи умышленно поддерживались в народе кулачеством и прочими контр-революционерами, проникшими в ряд волостных советских учреждений.

Брожение началось в Верхне-Нейской волости Макарьевского уезда (самой зажиточной по уезду). Секретарем Верхне-Нейского Вол. Исп. К-та и военным руководителем были напечатаны на шапирографе ленточки с призывом „в солдаты не идти, хлеба и коней не давать“. Эти ленточки распространялись по Чернышевской, Зарецкой, Нижне-Нейской и Погощенской волостям Макарьевского уезда и по волостям Ануфриевской и Коткишевской Кологривского уезда.

Первой возстал Ануфриевская волость. 10-го ноября здесь на стенах „магазинов“ появились афишки, порицающие действия Волостного Совета и призывающие к расправе с советскими работниками. Толпа, преимущественно мобилизованных, собралась около Волостного Совета и решила помедлить с явкой в Макарьев до 14-го ноября. 14-го ноября стали ходить анонимные записки с призывом ко всем крестьянам явиться на собрание в волость. На состоявшемся сходе заслушивалась резолюция и сообщение делегата Погощенской волости с призывом не подчиняться власти и не поддерживать войну, которая „привела наших отцов, сыновей и жен в полное разорение“, о поддержке „старых лозунгов большевиков“ (видимо здесь разумелся лозунг большевиков о борьбе с империалистической войной). (Погощенская волость, в свою очередь, эту резолюцию приняла под влиянием брожения Верхне-Нейской волости, при чем по показаниям свидетелей собранием Погощенской волости руководила „группа кулаков и ярых противников власти“). По окончании схода настроение резко изменилось. Пошли сходки по деревням, обсуждающие план действий на случай появления Красной армии. По дорогам расставляются патрули; около телефонов вводятся дежурства. Для пополнения недостатка в оружии обезоруживаются коммунисты и советские работники. Служащие военного комиссариата разгоняются. Ряд советских служащих арестовывается, при чем некоторые из них избиваются.

Ночью с 16-го на 17-е ноября, узнав о приближении отряда красно-армейцев, восставшие встретили его около дер. Гребенцы

¹⁾ По материалам Костр. Архивного бюро.

и заставили отступить. Толпа двинулась в город Унжу с целью свергнуть советскую власть и там, выручив заодно граждан попавших к красноармейцам в плен. В Унже, не встретив противодействия, повстанцы освобождают пленных, захватывают телефоны с телефонной станцией и арестовывают 2-х красноармейцев.

Под вечер в народе замечен стал перелом. Большинство начинает сознавать, что поступило не ладно и склоняется в сторону прекращения восстания. На другой день все собрались в волость, где и постановили прекратить восстание и подчиниться власти.

В других волостях этого же района восстание было или предотвращено соответствующими разъяснениями или ликвидировалось без всякого вмешательства вооруженной силы.

Эта характерная деталь свидетельствует о том, что прочных корней восстание не имело и не могло иметь в крестьянской массе.

В Нижне-Нейской и Верхне-Нейской волостях, например, разъяснения военного комиссара Галкина оказались достаточными для того, чтобы крестьяне отказались от своих антисоветских намерений, освободили арестованных работников Волисполкома и разошлись по домам. В Коткишевской волости Кологривского уезда для взбудораженного агитацией кулачества и событиями в соседних волостях населения было также достаточно разъяснений волостного военного комиссара для того, чтобы „агитация против Советов рухнула“.¹⁾

Следует отметить еще две контр-революционные вспышки, происшедшие в Великовской волости Солигаличского уезда и Блазновской волости Нерехтского уезда.

Первая происходит 15-го ноября. Эта вспышка явилась результатом длительной подготовки контр-революционеров. В частности еще ранее местный священник Пихин, при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства, умышленно искажал смысл его на приходских собраниях граждан волости. Эта агитация имела своим результатом постановление об отказе производить опись церковного имущества и, если к производству таковой будет приступлено, то „для противодействия . . . созвать прихожан набатным звоном“. Попутно с этим велась агитация рядом лиц о невыполнении воинской повинности. Бросались призывы к разгрому Советов.

Ближайшим поводом вспышки явилась мобилизация лошадей. Толпа крестьян потребовала возврата принятых на учет лошадей. После отказа возвратить, крестьянами были уничтожены

¹⁾ „Дело Костр. Губ. Рев. Триб. о восст. против сов. вл. в Ануфриевск. вол.“ Архив № 908.

„Дело Костр. Губ. Рев. Триб. о восст. против сов. вл. в Погошенск. вол. Макар. у.“ Арх. № 722.

„Дело Костр. Губ. Рев. Тр. о контр-револ. собрании в Коткишевск. вол. Макар. у.“ Арх. № 720.

сдаточные списки и квитанции, а мобилизованные лошади возвращены владельцам.

Прибывший вскоре корательный отряд организовал Военно-революционный Совет и созвал сход для разъяснения смысла декрета об отделении церкви от государства. Инструкция об отделении церкви от государства была принята сходом единогласно и недоразумения были ликвидированы.¹⁾

Другое выступление происходит в Блазновской волости Нерехтского уезда 29-го ноября, в связи с предполагаемой реквизицией хлеба. Приехавшего из Нерехты агитатора толпа встретила выкриками: „Ты приехал травить нас друг на друга“, „нам при буржуйском правительстве жилось лучше“, „давай нам сюда икону“, „ненужно нам председателей и секретарей, нам нужно старшину и писаря“. Агитатор вынужден был удалиться, а взбудораженная толпа потребовала продолжения митинга и внесения в Совет иконы. Помолившись, избрали нового председателя и приступили к обсуждению своих дел, постановив, между прочим, собраться вновь на 3-е декабря.

В назначенный день собраться не удалось, так как инициаторы были арестованы. Остальные же участники разошлись.²⁾

Все вышеизложенное представляет собой далеко не полный перечень различных антисоветских выступлений. В общем, все они были беспочвенными и незначительными по своим размерам.

VIII.

Но наиболее упорным и длительным контр-революционное движение, как сказано выше, было в Ветлужско-Уренском районе. Здесь оно, несомненно, имело солидную и прочную основу. Целый ряд других особенностей и условий края способствовал успехам этого движения, потребовав для своей ликвидации со стороны Советской власти значительных усилий. Контр-революционное движение здесь сумело проявить себя настолько, что у знакомящегося с ним может быть составлено полное представление о классовом смысле движения, методах борьбы контр-революционеров, их отношении к различным слоям населения, организации, политике и проч. Все это дает право на более полное изложение Ветлужско-Уренской антисоветской вспышки. Даже можно сказать больше: рассматриваемое повстанческое движение имеет массу типичных черт, причины и ход самого движения имеет много общераспространенных особенностей, характерных для ряда деревенских антисоветских выступлений. Последнее обстоятельство должно вдвойне возбудить внимание к этому движению интересующегося вопросами гражданской войны в губернии.

¹⁾ „Дело Костр. Губ. Рев. Тр. о контр-рев. выступлении в Великовск. вол. Солигаличского у.“ Арх. № 721.

²⁾ По материалам Костр. Губ. Арх. бюро.

Специфичность рассматриваемого восстания определяется целым рядом особенностей, так называемого, Уренского края, объединяющего волости Черновскую, Тонкинскую, Карповскую, Семеновскую и Вахрамеевскую, Варнавинского уезда, с селом Урень-Трехсвятское—центром повстанческого движения, его „мозгом и душой“.

Эта группа волостей не случайно называлась Уренским краем. Весь уклад жизни крестьянства этого района значительно отличался от соседних волостей Варнавинского уезда. В экономическом отношении край был богаче: большие леса, плодородная почва, избытки хлеба и т. д.

Постоянные преследования со стороны царской власти фанатично настроенных сектантов, наполняющих край (поморы, беспоповцы, немолчане и пр.), разорение старообрядческих скитов, экономическая зависимость от удельного ведомства, захватившего в свои руки большинство земель и лесов и постоянно притесняющего крестьян—все это исторически сложило в крае такую обстановку, обусловило такую психологию населения, когда раздраженностью против всякой власти становилась характернейшей чертой уренской деревни.

Не менее характерной чертой являлось и чрезвычайное невежество края. Громадный процент неграмотных и умение среди грамотных читать зачастую только церковно-славянские тексты. Отсутствие светских книг и газет. Боязнь всякого нововведения. Отсутствие доверия к врачу, благодаря чему население часто предпочитало обращаться за помощью к знахарям и бабкам и отказывалось прививать оспу, называя эту операцию „приложением антихристовой печати“. Вот целый ряд замечаний, характеризующих население края.

По мнению одного из привлеченных по делу об Уренском восстании население края считало „учение смертным грехом и видело во всяком мало-мальски ученом—бара“¹⁾.

Насколько укоренились в населении Уренского края вековые религиозные воззрения и связанное с ними невежество, настолько же впиталось в кровь и плоть его, вместе с привычкой к земледельческому труду, и чувство собственности. Верный старине и традициям прошлого, крестьянин Уренского края более, чем где бы то ни было, являлся собственником куска земли и всего нажитого своим, а подчас и наемным, трудом.

По определению одного варнавинского старожилы, население края можно было охарактеризовать следующим образом: „народ темный, дикий, суеверный, замкнутый в себе, недоверчивый, лукавый, раболепствующий перед силой, падкий на легкую наживу, в религиозном отношении фанатичный“. Но наряду с этим у населения края было развито чувство общности и необходимо-

¹⁾ „Дело Костр. Губ. Рев. Триб. об Уренском противосоветск. восстании в августе 1918 г.“. Арх. № 1022.

сти стоять всех за одного и одного за всех, патриархальное гостеприимство и человеколюбивое отношение к нищему¹⁾.

Война и последовавшая за ней революция застала Уренский край на положении житницы края для всей правобережной части Варнавинского уезда, жители которой имели плохие посевы, прирабатывая на сплавной реке Ветлуге. В это время все население края можно было бы разделить на три группы: „первая—самая большая—это, так называемые, „самостоятельные“, зажиточные крестьяне, владеющие достаточным наделом земли и продающие излишки своего хлеба..., вторая—хлебные торговцы, которые не только торговали своими излишками, но ездили за хлебом в Вятскую губернию и перепродавали его в нехлебородных губерниях и третья, самая малая группа, деревенский пролетариат“²⁾.

Февральская и Октябрьская революции почти не коснулись Уренского края. До февраля месяца 1918 года была Управа, издавался „Варнавинец“. Только с приходом демобилизованных с фронта была внесена новая, свежая струя в общественную жизнь края (фактическим началом советской власти в крае явился первый Варнавинский Съезд Советов, происходивший в конце января 1918 года).

Гораздо чувствительней и заметней для уренцев было постепенное исчезновение товаров с рынка и повышение цен на хлеб. Скупка и перепродажа хлеба начинает разрастаться, превращаясь в спекуляцию. По заключению одного участника описываемых событий, „в торговлю втянулось все живое, деятельное население“, так что „на работу в управах и комитетах начали смотреть, как на что-то... невыгодное, мешающее... наживе..., от выборных должностей отказывались правдами и неправдами, включительно до угодения самогонкой“³⁾.

Вполне понятно, что первая же попытка Варнавинского Совета в январе месяце урегулировать цены и произвести учет хлеба в Урене встретила противодействие со стороны населения. Под давлением кулацких элементов и попустительстве местных советских работников в Урене создается дружина, разоружившая красноармейские заставы. Дело заканчивается заключением мира с выплатой уренцами контрибуции Варнавинскому Совету.

Но как и до инцидента, так и после, никакая просветительная, разъяснительная кампания, связанная с учетом и так нужная для населения этого района, не проводилась. Вполне естественно, что у крестьянства, даже не кулацкого, сложилось нелестное и неблагоприятное представление о Советской власти. Характерно, что учет излишков, которые в крае, несомненно, были, дал самые неожиданные результаты: вместо излишков оказалось необходимым везти в Уренский край несколько тысяч пудов хлеба.

1) Доклад Ревизион. Комиссии Губисполкома Всер. Чрезв. Комиссии.

2) Доклад Ревиз. Комиссии Губисполкома Всер. Чрезв. Комиссии.

3) „Дело Костр. Губ. Рев. Триб. об Уренском противосов. восстании“.

Усилению отрицательного отношения к Советской власти способствовал и целый ряд незаконностей, допущенных некоторыми советскими работниками уездных органов при ликвидации помещичьих имений¹⁾. Эти частные случаи и местные недостатки сознательными контр-революционерами использовались для того, чтобы перенести их на Советскую власть в целом.

К весне 1918 года спекуляция принимает грандиознейшие размеры. Волостной Исполнительный Комитет (село Урень), не взирая на постановления Варнавинского УИК'а, не принимал мер борьбы со спекуляцией, так как и сам стоял на точке зрения желательности вольной торговли хлебом. Попутно с этим в широких размерах начинает процветать и самогонокурение.

Уренский Волостной Совет сам по себе стоял не на должной высоте, что также способствовало росту антисоветских настроений в деревне. По данным ревизионной комиссии Губернского Исполнительного Комитета, „Рехалов (председатель Уренского Вол. Исп. Ком.), при участии волостного комиссара Лебедева, в нетрезвом виде производил неприличные для председателя волостного совета выходы, при вспылчивости допускал насилие над отдельными лицами, производил безо всяких формальных постановлений аресты“. Практиковалось избиение крестьян при выездах в деревни волости. Понятно, что к такой „советской“ власти даже беднейшее население особой симпатии не чувствовало и чувствовать не могло. Во власти советов оно не видело защитников своих интересов²⁾.

Так подошел июль месяц, когда, согласно декрета Совнаркома, и в Уренский край явились продотряды во главе с членами Варнавинского Исполнит. К-та. Работа продотрядов только сгустила атмосферу в крае и приблизила взрыв недовольства. Процесс реквизиции проходил без предварительного согласования с пленумом Уездного Совета, без предварительного продумывания и заранее составленного плана и инструкций. Хлеб отбирался сплошь и рядом без различия богатых и бедных. Норма для оставляемого хлеба не соблюдалась, а учета принимаемого и отправляемого в уезд хлеба не производилось. Допускались грубости, избиения, излишние угрозы, подчас придававшие учету хлеба характер самого обыкновенного грабежа³⁾.

Всех недочетов учета, по своему существу контр-революционных, хотя они и допускались официально агентами Советской власти, было много. Словом июльская учетная кампания окончательно подорвала авторитет Советской власти и агитация кулаков и белогвардейцев нашла в этом районе благоприятнейшую почву. Обстановка становилась тревожной, возбужденной.

1) Доклад „Ревиз. Комиссии Губ. Исп. Ком. ВЧК“, „Дело Костром. Губ. Рев. Тр. о неправильной и незаконной ликвидации имений“. Архив № 441.

2) Доклад Ревизион. Комиссии Губ. Исп. К-та Всер. Чрезв. Комиссии.

3) Тоже.

Контр-революционный взрыв произошел в августе месяце 1918 года. Ближайшим поводом к нему было следующее. В начале года в крае поднимался вопрос об отделении волостей Уренского края в особый уезд. Позднее, 14 августа, этот вопрос был поставлен на обсуждение волостного Уренского собрания, а 19 августа он должен был разрешиться в окончательной форме на районном сходе шести волостей. Разрешение на сход от Уездного Исполнительного Комитета получено не было.

По заявлению целого ряда очевидцев, в этот период времени в селе Урене и окрестностях, изобилующих контр-революционным элементом, велась усиленная агитация против власти, Красной гвардии и, наконец, против хлебной монополии.

19 августа состоялся районный сход, совершенно случайно совпавший с приходом в село Урень отряда красноармейцев, направлявшихся по вызову в село Тонкино. Это обстоятельство было сознательно использовано контр-революционной частью схода, которая тотчас же стала вести агитацию, распространяя самые невероятные слухи. В результате ряда провокационных выпадов со стороны схода (так, например, избивание красноармейца Евсикова, враждебные выкрики и т. д.) и недалёковидности и близорукости руководителей отряда произошло столкновение, закончившееся паническим отступлением отряда.

Как во всех этих действиях, так в особенности в событиях позднего времени, чувствовалась чья то рука, чья то контр-революционная инициатива. Так, например, по ряду указаний участников и свидетелей, сход продолжал собираться и на следующий день 20-го августа, хотя накануне 19-го на этот счет постановлений никаких не выносилось. По другому показанию оказывается, что „за ночь по волостям были разсланы курьеры с известием, чтобы в Урень шли малый и старый и из соседних деревень народ валил толпами“.) На сходе 20-го августа сразу же появились руководители М. Ф. Красильников, Иван Нестерович Иванов (известный больше под кличкой „Нестеров“ и „Суходольский цар“), Корсуков и ряд др. Все они прибыли подчас из других деревень и на сходе поочередно говорили зажигательные речи, призывая встать на защиту Урени и до последней капли крови бороться с варнавинскими красноармейцами и Советом. Были возражения против, но они совершенно тонули в общей массе голосов противников. Собравшееся таким образом районное собрание постановило провозгласить село Урень в самостоятельный уездный город, а Урень край—в уезд. По заслушанному отношению прод. отдела Губернского Совета об учете хлеба собрание единогласно решает отменить хлебную монополию. Выбирается Комитет охраны. Здесь же выносятся постановления об организации крестьянской охранной дружины, две трети всего состава которой должно было содержаться в самом Урени,

1) „Дело Костр. Рев. Триб. об Уренск противосоветском восстании“.

а треть в волостном селе Черном. На содержание охранной дружины и Комитета назначается сбор по 50 коп. с каждой десятины. На ряду с комитетом охраны, как его часть, создается военный штаб Комитета охраны Уренского края, являющийся уже чисто военной, оперативной организацией. В отряды открываются запись добровольцев, объявляется мобилизация офицеров, сбор оружия. Для связи и призыва присоединиться по волостям Варнавинского и Ветлужского уездов были разосланы нарочные.

Сказать, что в районе восстания царило полное единодушие, что отсутствовало оппозиционное течение по отношению к происходящему, нельзя. Наоборот, есть все основания утверждать обратное. Практика предания несогласных так наз. „народному суду“, т. е. просто на просто на растерзание дико возбужденной толпы заставляла некоторых быть с повстанцами и исполнять их приказания, хотя и против совести. Расправа с семьями красноармейцев и ряд аналогичных примеров с советскими работниками оказывал известное моральное действие на несочувствующих движению, вынуждая их до поры до времени повиноваться.

Поход уренцев на Варнавин, окончившийся неудачей и отступлением создал в среде уренцев новую струю недовольства. Из под Варнавина большинство дружинников возвращалось одиночным порядком. Призыв уренцев в горных (правобережных) волостях присоединиться к восстанию не нашел отклика. После некоторых колебаний участие в движении приняло только село Баки и то на несколько дней.

Движение после отступления от Варнавина возможно пошло бы на убыль и не потребовало бы больших усилий для своей ликвидации. Но события развернулись иначе.

25-26 августа (новый стиль) из Ветлуги прибыла делегация от имеющейся там организации белых с предложением помочь организованной силой овладеть оружейным складом. Ветлужская группа белогвардейцев, именовавшая себя „Организацией безопасности“, состояла преимущественно из офицеров. Созданная всего лишь в конце июля месяца 1918 года она имела свой устав, по которому руководство работой возлагалось на выбранную собранием пятерку (в нее входили офицера Чиркин, Снежков, Сорокин, Гаврилов и Рубинский). Каждый из пятерки должен был завербовать себе сторонников от четырех и больше, а эти в свою очередь — других. Указанная группа и явилась организатором ветлужского восстания при деятельном участии вооруженного отряда присланного из Уреня) 1.

Используя почти полное отсутствие воинских частей у Ветлужского Совета (имевшиеся отряды красноармейцев были отправлены в Уренский район), белогвардейцы в ночь на 29 авгу-

1) „Дело Вологодского Губ. Отд. Военного Контроля при Военсовете 6 армии о гражд. Б. Г. Кузнецове Архив.“ № 446.

ста овладели зданием винного склада, где находился Уездный Исполнительный Комитет и оружейный цейхгауз. Сопротивление было оказано, но оно уже носило запоздалый и недостаточно продуманный характер. Так, например, Уездный военный комиссар Лямин вызвал к себе часть имеющихся красноармейцев за реку Красницу и, не пуская эту группу в действие, разрознил и ослабил силы. Наиболее продуманными оказались действия военного руководителя Шкельдина, вызвавшего из пригородной деревни Морозихи, имевшуюся там вооруженную дружину крестьян. Присоединив к ним оставшихся красноармейцев, Шкельдин пытался, правда безуспешно, оказать противодействие контр-революционерам. Белогвардейцы, овладев складом оружия, сильным огнем уничтожили всякое сопротивление. Ряд сотрудников Ветлужской Чрезвычайной Комиссии, а также члены Уездн. Исп. Ком-та (последние были осаждены белыми в своем общежитии) пробовали сопротивляться, но вынуждены были уступить. Позднее контр-революционеры жестоко с ними расправились: большинство было расстреляно, несколько человек оставлено в качестве заложников. В приемах борьбы со сторонниками советской власти и советскими работниками не стеснялись. Заключенные в так наз. Смольном (здании УИК'а) передают, что раз кем то „из белогвардейцев был произведен в окно помещения арестованных выстрел из винтовки“, другой раз в комнату бросили гранату, к счастью не разорвавшуюся ¹⁾ Можно было привести длинный перечень случаев дикой расправы не только с советскими и партийными работниками, а просто родственниками, — расправы, принимавшей особенно чудовищные формы в волостях, перешедших на сторону контр-революции.

С 29-го августа победившая контр-революция приступает к организационной работе. Наблюдным звоном созывается городское собрание. На собрании, по заявлению одного участника, граждане шли, „не быстро и не в большом количестве. У большинства, если не у всех, были встревоженные, недоумевающие лица“. ²⁾ Митинг преследовал агитационно и информационные цели, при чем ораторы прибегали к неправдым сообщениям. Так говорилось о несуществующих переворотах в Галиче, Варнавине, Котельнице, о волнениях в Москве. Граждане призывались вступать в ряды белой гвардии.

30-го августа митинг вновь возобновляется, при чем на нем происходят и выборы в Ветлужский Временный Комитет Общественной Безопасности. Социальный состав этой организации, как и всех руководящих организаций белых, достаточно убедительно говорит о классовой физиономии переворота и о той политике, которую следовало от нее ожидать. В комитет вошло

¹⁾ „Дело о белогвардейском восстании Баковско-Уренско-Ветлужского района. А. Ветлужский район“.

²⁾ „Дело о белогвардейском восстании Баковско-Уренско-Ветлужского района. А. Ветлужский район“.

офицерство (Шухарев, Сатинов и др.), помещики (Шабаров, Петерсон), торговцы (братья Овчинниковы, один из них бывший городской голова) и даже бывший земский начальник (Белов—секретарь комитета). Партийная окраска членов комитета была различна (сплошь и рядом она осталась не выявленной), но во всяком случае там были представители социал-демократов меньшевиков (Второв, врач Глезеров), социалистов революционеров (Сатинов) и кадэтов (Петерсон, близко стоявший к конст.-дем.—Овчинников). При Комитете организуется ряд отделов: земский, народного хозяйства, городского хозяйства, милиции, казначейство и т. д. Для руководства военно-оперативным делом создается главный военный штаб¹⁾.

С первых же дней набирается армия и принимаются меры к обороне города. При чем сначала мобилизация происходит весьма упрощенными способами: офицера, которых в Ветлуге оказалось более чем достаточно, буквально хватили всех встречаемых на улице, посылая их к оружейному складу вооружаться. Взявший винтовку становился таким образом солдатом контр-революции. При такого рода мобилизации допускались насилия, грубости, угрозы. „Отказаться от винтовки не представлялось возможным, т. к. белогвардейцы навязывали их силой и обещали в случае отказа разделаться“—показывает один из мобилизованных таким путем.²⁾ Поздней мобилизация принимает вид более планомерной работы. Так 30-го августа Комитет Общественной безопасности публикует два приказа № 2 и № 3 о призыве солдат и ратников, родившихся с 1-го июля 92 года по 1-ое июля 99 года включительно и призыве быв. офицеров „постоянно и временно проживающих в гор. Ветлуге и уезде“.³⁾ В целях обороны города по дорогам выставляются патрули и заградительные отряды, высылается разведка, через реку Нужну разбирается мост, чтобы воспрепятствовать приходу советских войск со станции Шарья.

Об организации новой власти белогвардейцы постарались поставить всех кого можно в известность. Ряд мест этих официальных документов, как и следовало ожидать, поражал своим бесстыдством и лживостью. Так, одна телеграмма, разосланная по селам и деревням, сообщает:

„В четверг 29 августа нового стиля в 4 часа утра, в городе Ветлуге Советская власть пала. Члены Совета арестованы. В карманах у некоторых найдены крупные суммы денег. Красная армия разбежалась. Немедленно избрана была на общем собрании временная власть „Комитет общественной безопасности“ (затем следует абзац, именующий советских работников „наильниками“ и „продажными людь-

1) „Дело о белогвард. восстании Бак-Ур. Ветл. района“.

2) „Дело о белогвард. восстании Бак-Ур. Ветл. района“.

3) „Вещественные доказательства к „делу о белогвард. восст. Бак-Ур. Ветл. района“. Костр. губ. архив. бюро.

ми", а политику Советской власти „произволом", „грабежем" и „тисками"). России, великой России, больше нет. Есть убогая, нищая, растерзанная по кускам, страдающая родина. Граждане! Она истекает кровью, она зовет вас на помощь. Ближайшей задачей является восстановление нормальной жизни, поруганных прав и завоеваний революции. Необходимо наладить взаимное доверие между населением и новой властью. Для этого в первую очередь немедленно созвать сходы, уничтожить Советы, избрать взамен их временные Комитеты, немедленно восстановить связь с городом, вербовать защитников новой власти и, по возможности, вооружать их, выслать подкрепления в город, осведомлять главный штаб о движении красноармейцев, собирать пожертвования на работу вашего Комитета, снабжать город и защитников продовольствием. В ближайшем будущем должны быть восстановлены волостные земства и другие органы местного самоуправления. И так, все на выборы. Все на борьбу за лучшее, светлое будущее. Комитет общ. безопасности¹⁾. Другое обращение к селам и деревням еще более красноречиво рисует физиономию организовавшейся новой контр-революционной власти.

„Советская власть пала, говорит обращение, но что же вам нужно получить взамен ее. Всем известно, что большевикам уничтожены все права и свободы человека и гражданина. У нас нет свободы слова, печати, собраний, союзов. Земские и городские самоуправления разогнаны, точно также разогнано и Учредительное Собрание. Бывшая власть была бесконтрольна. Деньги расходовались без отчета. Необходимо восстановление утраченных прав, восстановление закона о социализации земли, принятого Учредительным Собранием. Вся земля („и власть" — зачеркнуто в черновике А. К.) трудовому народу. Восстановление земского и городского самоуправления, полное очищение страны от неприятеля, соединение разорванной на куски родины в одно целое, созыв Учредительного Собрания. Только оно полноправно установить общенародную власть, власть, выбранную на основах общего, прямого, равного и тайного голосования. Не может быть и речи о восстановлении монархических принципов, монархия канула в вечность и возврата ей нет. Нет основания верить темным слухам. Как только жизнь войдет в колею, будут восстановлены городское и земское самоуправление, восстановлены мировые суды. Эта власть временная. Настоящую власть выбирать будете вы сами. Раньше большевиками вы были отстранены от всякого участия в городских и земских делах, теперь, как и раньше до большевиков,

¹⁾ Веществ. доказат. к „Делу о белогвард. восст. Бак.-Ур.-Вет. района". Костр. Губ. Арх. бюро.

вы, в лице ваших избранников, участвуете в общем деле. Власть будет под вашим контролем. Просим вашей поддержки в этом огромном, общем деле¹⁾).

Нет смысла комментировать все эти приводимые документы. Для всякого читающего их понятно о каких „обездоленных“ и о чьих интересах идет здесь речь. По беглому сравнительно подсчету в числе „обездоленных“ (активных участников Ветлужского, а позднее и Уренского восстания) имелось 39 торговцев, священников, детей купцов, помещиков и т. д., 37 офицеров, 9 быв. земских начальников, исправников, урядников, воинских начальников и их детей²⁾. В восстании принимали деятельное участие представители различных партийных течений. Так, кроме указанных выше, некто Соколов, возглавлявший белогвардейский санитарный отряд, а позднее „белогвардейский отряд боевого характера“, был правым соц.-рев. Изюмов П. С., бывший председателем Тоншаевского Волостного Исполнительного комитета и принимавший участие в ветлужских белых отрядах, принадлежал к „партии быв. центровиков Черновского течения“. Ряд участников, как например, Чиркин, В. Изюмов, причисляли себя также к соц.-рев., другие, как Шухарев, не состоя определенно в какой либо партийной организации, считали себя сторонниками идеи Учредительного Собрания³⁾.

Из других распоряжений Комитета общественной безопасности заслуживают интереса объявления от 30-го августа. Одно из них предлагает служащим во всех учреждениях города, земских и государственных, приступить к исполнению своих обязанностей, торговцам же производить торговлю обычным порядком. „За неисполнение настоящего распоряжения“ виновных обещалось „подвергнуть ответственности в соответствии с серьезностью переживаемого момента“⁴⁾.

Другое распоряжение от того же числа призывает граждан „не беспокоиться за привозимые продукты“, так-как „их можно свободно продавать на базаре“⁵⁾.

Ряд объявлений Комитета от 1-го сентября характеризует наличие в стане белогвардейцев беспокойства. Комитет вынужден, в целях успокоения населения, прибегнуть к публикации заведомо ложных сведений. Видимо широкие планы и большие надежды, которые, нет сомнения, витали в первые дни после переворота в головах руководителей, планы о расширении зоны своих действий, взятии Варнавина, Козьмо-Демьянска и соединении с чехословаками (чехословаки были в Казани и с ними ветлужские

1) Веществ. доказательства к „Делу о белогвард. восстании Бак.—Ур.—Ветл. района“. Костр. Губ. Арх. бюро.

2) „Списки обвиняемых по Ветлужск. району“. Костр. Губ. Арх. бюро.

3) „Дело о белогвард. восстании Бак.—Урен.—Ветл. района“. Костр. Губ. Арх. бюро.

4), 5) Веществ. доказ. к „Делу о бел. восст. Б.—Ур.—Ветл. района“, „Наряд № 1 секр. бумагам по воор. выступлению белогв.-ев в гор. Ветлуге“. Губ. Архив. № 135.

контр-революционеры пытались установить связь) — все это оказалось вилами на воде писанным. Контр-революционеры должны были думать о более прозаических вещах, о спасении собственной шкуры.

Один из документов от 1-го сентября (приказ № 25) гласит о привлечении к ответственности „со всей строгостью военного времени“ распространяющих „ложные слухи, тревожащие население“¹⁾. В другом же извещении по всем селам и деревням сообщается о якобы происшедшем „поражении уренцами отряда Красной армии в 5-ти верстах от Уреня“. Отряд будто бы разбежался и „преследуется населением, которое бросило левые работы и поднялось как один человек“ (это сообщение действительности не отражало). „Мобилизация в Ветлуге, сообщает дальше извещение, проходит с большим успехом и граждане охотно идут на защиту действительной свободы“. „Из уезда поступают известия о свержении Советов“²⁾ (характерно здесь же отметить, что руководители восстания избегали публикации своих имен в официальных документах).—

Этот тревожный тон и вынужденный вымысел имел, конечно, свои основания. Деревня, не считая Уренского края где условия были совершенно иными, не шла за белогвардейцами или шла неохотно. Ветлуга вынуждена была посылать в уезд своего рода экспедиции для ареста Советов и содействия слабым местным контр-революционным силам совершить переворот.

В село Бельшево белогвардейцы явились в ночь на 31-е августа с целью арестовать Совет, но советские работники скрылись. При деятельном участии проживающего в селе бывшего земского начальника Капитального (Капитальный на сходе агитировал против Советов с револьвером в руках) удалось провести в селе организацию Комитета общественной безопасности. Этот же отряд в деревне Козлиха той же волости собрал сход и крестьяне постановили „подчиниться существующей в настоящее время в Ветлуге власти“, но в то же время просили освободить арестованных белыми волостного комиссара, казначея и членов Комитета бедноты, „ради чувства гражданского долга“³⁾.

1-го сентября аналогичная картина происходит и в селе Ново-Успенском. Здесь под угрозой группы белогвардейцев во главе с быв. урядником Рожиным и при участии быв. земского начальника Белова происходят выборы Волостного Комитета общественной безопасности. Быв. земский начальник Белов попадает в председатели комитета⁴⁾.

¹⁾ Вещств. доказ. к „Делу о бел. восст. Б.—Ур.—Вет. района“, „Наряд № 1 секр. бумагам по воор. выступлению белогв.-ев в гор. Ветлуге“. Губ. Архив. № 135.

²⁾ Вещств. доказ. к „Делу о бологв. восст. Бел., Ур., Ветлуж. района“ Губ. Архив.

^{3), 4)} „Дело о бел. восст. Б.—Ур.—Вет.“ Губ. Архив.

То же самое с небольшими изменениями происходит в селе Холкино, Печенкино, Стрелица и др. В деревню Морозиху посылались карательная экспедиция за то, что крестьяне этой деревни отстаивали в Ветлуге Советскую власть.

Это по существу вынужденное присоединение некоторых волостей к повстанческому движению не давало возможности Ветлужским контр-революционерам чувствовать себя прочно, тем более, что в самом городе по мере приближения советских войск начинается форменное разложение. Ходят фантастические слухи. Из отрядов белых начинается бегство. Около 3-го сентября подпоручик Рожин, ведающий охраной города, сообщает по начальству: „положение таково, что уже слишком много ходит подозрительных лиц“¹⁾. Патрулям вменяется в обязанность наблюдать, чтобы в городе „не было скопления народа и... все окна домов были закрыты“²⁾.

Приближение красноармейских частей к городу вызывает бегство и панику, несмотря на подошедшее подкрепление из числа уренских отрядов. В ночь на 4-ое сентября, предварительно расстреляв несколько арестованных советских работников, белые отступают по направлению к Холкину и, наконец, Уреню. Через несколько дней часть отступивших из Ветлуги белогвардейцев, не желая выполнять приказа Уренского штаба о движении к селу Горево (15 верст от с. Уреня), решили на совещании своих начальников отступить к Казани. Не дойдя верст 40 до Царевококшайска (ныне Краснококшайск) решили расформироваться, т. к. Казань была взята и отряд оказался в кольце. Белогвардейцам пришлось в одиночном порядке пробираться кому-куда заблагорассудится³⁾.

В то время, когда происходили все эти события в Ветлуге, Урень воспрянул духом благодаря успехам ветлужских контр-революционеров и присылки оттуда вооружения. Между Уренем и Ветлугой устанавливается связь: в Урень посылаются военные инструктора, посылаются вооружение. Объявляется новая мобилизация 2-х годов (21—22 лет), призываются унтер-офицеры до 40-летнего возраста. В Урень стекаются белогвардейцы со всех сторон. Так, из города Семенова, Нижнего-Новгорода прибывают офицеры. Делаются попытки завязать связь с Уржумом и Казанью. Приход ветлужан сопровождается некоторой реорганизацией уренских органов „власти“. Создается Ветлужско-Уренский Комитет общественной безопасности под председательством Нестерова, Ветлужско-Уренский гарнизон, командование которым поручается Щербакову. Частями комитета общественной безопасности являлись отделы: снабжения, связи, комендантский, казначейский, медицинский, следственный (чрезвычайная следственная комиссия) и, наконец,

1) „Наряд № 1 секр. бумагам по вооруж. выступлению бел-цев в гор. Ветлуге“ стр. 59. Губ. архив. № 135.

2), 3) „Дело о белогвар. выступ. Б.-Ур.-Вет. района Губ. Архив.

Уренско-Ветлужский штаб. Приход ветлужских сил белогвардейцев и реорганизация, внесли, как это кажется ни странным на первый взгляд, ослабление в уже разлагающийся стан и уренских белогвардейцев. Еще до ветлужан стали замечаться случаи отказа идти по мобилизации и давать лошадей, тем более что в это время происходили сельско-хозяйственные работы. Последнее обстоятельство отрезвляюще действовало на крестьян, заставляя их быть плохими пособниками контр-революции. С приходом ветлужан руководство движением в Уренском районе переходит к ним. Роль уренцев отодвигается на второй план. На этой почве возникают трения, которые ускаряют развязку. По заявлению одного участника восстания с приходом ветлужан „в самом штабе образовался раскол—представители крестьян встали в оппозицию со штабом“ (ветлужанами) ¹⁾. Можно вполне согласиться и с тем, что приход ветлужан, преимущественно офицеров, в глазах крестьянства придавал несколько иную окраску движению; характер борьбы вообще с Советской властью, а не борьбы с отрицательными явлениями представителей местных органов власти, ничего общего с Советской властью не имеющими. Последнее предположение безусловно неверно в отношении всего населения района, но вполне допустимо для известной его части. Так или иначе, движение за прекращение войны растет, приближение советских частей и, в частности, появление над Уреном аэроплана, усиливает эти тенденции.

12-го сентября граждане Черновской волости выбирают делегатов для мирных переговоров с наступающими частями из Ветлуги. Характерны заявления об условиях мирных переговоров, которые хотя, в большинстве случаев, нужно истолковывать, как дипломатические фразы: „мы... против Советской власти и ее правительства не шли и не идем... мы протестовали и протестуем лишь против грубых насилий, чинимых над мирными жителями уездными начальствующими лицами и лицами, находящимися в Красной армии... Мы просим, чтобы граждане Черновской волости всех возрастов считались бы нейтральными и из них в будущем никаких мобилизаций не производилось... Мы очень бы желали открыть вольную торговлю“ ²⁾. Подобная же картина выделения делегации происходила и в Урене. Этим самым предполагавшийся разгром села Уреня был предотвращен. Около 18-го сентября село Урень занимается и Ветлужско-Уренское восстание таким образом было ликвидировано.

IX.

Правда, ликвидация эта была пока еще далеко не полной. Сломано было открытое сопротивление. Но для того, чтобы край стал Советским, в полном смысле этого слова, нужна была длительная культурно-просветительная и организационная работа.

^{1) 2)} „Дело Костр. Губ. Рев. тр. об Уренском противосов. восстании“. Арх. № 1022.

Население покорилось внешне, уступая силе, и, как выразился один советский работник в своих воспоминаниях: „говорило покорным тоном, а в глубине глаз в это время светилась затаенная вражда и злоба“¹⁾. Продолжающееся недоверчивое отношение к Советской власти было использовано скрывшимися в леса (преимущественно юго-восточных волостей края) уренскими и ветлужскими белогвардейцами. В общей массе кулацкое население края продолжает сочувствовать и поддерживать белых, (на сторонников советской власти последние действовали угрозой). Мало этого, скрывшиеся белогвардейцы с появлением дезертирства (начало и середина 1919 года) получают возможность вербовать себе новых сторонников. Привлеченный к суду дезертир Шишкин передает, что он „получил повестку от „штаба елошской армии“ с приказом явиться по направлению к деревне Коршуново, в противном случае „семья (его)... будет наказана“. Идя по вызову, он „по дороге встретил бандитов, предложивших (ему)... вступить в их ряды“²⁾. Другой привлеченный дезертир сообщает тоже не менее интересную деталь работы контр-революционеров, а именно: „при помощи вооруженных (дезертиров) Корица, Поляшова и Ивана Ухо (прозвище) они (контр-революционеры) отбирали по деревням оружие и раздавали его (вновь завербованным) дезертирам“³⁾.

В крае начинает процветать политический и уголовный бандитизм и движение известное под именем „зеленых“.

Это видоизменение форм борьбы контр-революционеров с Советской властью не являлось чем-то местным, специфически уренским. Подобная же картина наблюдается и в других уездах губернии, в особенности в Нерехтском и Костромском.

В результате длительной работы партийных и советских органов и в центре и на местах произошел известный перелом в отношениях населения к Советской власти. Элементы недовольства среди населения еще были. Из-подлишка брюзжали служащие (так, собрание советских кооперативных служащих 27-го августа по вопросу о поддержке мобилизации на колчаковский фронт сочувственно отнеслось к речам правых эс-эров)⁴⁾. Епархиальные власти (в январе месяце 1919 года) рассылали приказ о молебствии за „страждущую державу“⁵⁾. Контр-революционеры вели агитацию среди рабочих Костромских фабрик. В деревнях была антисоветская работа кулаков, подчас выливающаяся в контр-революционное восстание (как это было в Домнинской волости Буйского уезда в конце апреля месяца 1919 года)⁶⁾. Наконец, были еще

¹⁾ Материалы Архива Ист. парт. отдела.

^{2, 3)} „Дело Костр. Губ. Рев. Тр. об Уренском противосов. восстании в VIII 1918 г.“ Губ. Архив, № 1022.

⁴⁾ „Советская Газета“, № 90 от 29/IV 19 г.

⁵⁾ „Советская Газета“, № 7 от 12/I 19 г.

⁶⁾ „Дело Костр. Губ. Рев. Тр. о к.-р. выступлении в Домнинской вол., Буйск. у.“ Арх. № 854.

продовольственные и хозяйственные неурядицы, эпидемические заболевания и т. д., что не могло не вносить известной нервозности в жизнь широких масс населения. Но все же в общем настроения деревни и тем более города были таковы (за редкими исключениями, как Уренский край и другие чисто кулацкие районы), что контр-революционная агитация белогвардейцев удобной почвы почти не находила.

Контр-революционерам опираться на те же слои населения города и деревни, которые охотно шли за ними ранее, теперь можно было с меньшей вероятностью на успех. Наиболее удобной средой для продолжения своих контр-революционных операций и являлось теперь дезертирство.

Дезертирская масса была еще потому удобна для предприятий контр-революционеров, что ее ряды пополнялись преимущественно недостаточно сознательной и слабо понимающей смысл происходящих событий крестьянской молодежью. В тех волостях Костромского уезда, где имелись партийные организации и мобилизации сопровождалась разъяснительной работой (как, например, Левашовской, Мисковской, Лобозовской и др. волостях) — % дезертирства был незначителен. Наоборот, где слабо была поставлена просветительная, партийная работа и тем более где были сильны кулацкие элементы (как, например, Чернозаводская, Шунгенская, Куниковская и др.) — дезертирство процветало¹⁾. Причинами, обуславливающими дезертирство, были и несовершенство организации дела помощи семьям красноармейцев (в Апраксинской вол., Костр. уезда „льготами пользовались семьи дезертиров, а не красноармейцев“), неприглядная картина жизни красноармейца в казарме (плохое обмундирование и т. д.)²⁾, желание поднять развалившееся хозяйство и, наконец, чисто шукурнические побуждения. Контр-революционеры использовали и эти обстоятельства. Умелой агитацией группируя около себя разрозненных дезертиров, они начинали руководить ими, давая соответствующее направление. Дезертирство, по своему существу не активное, под руководством контр-революционеров, становилось активной силой и принимало форму самого обыкновенного контр-революционного движения с бандитским оттенком.

К лету 1919 года дезертирство принимает грандиознейшие размеры. По данным Губвоенкомата в губернии их накопилось до 30.000 человек³⁾. Начинают вспыхивать восстания в Нерехтском и Костромском уездах, а в Варнавинском уезде — широко практиковаться бандитами белогвардейский террор.

Так, 18-го июня бандой дезертиров был разгромлен волостной Военный Комиссариат Никольской волости (Нерехтский уезд), при чем был убит волостной комиссар. В этот же день рано

1) 2) „Советская Газета“, № 128.

3) Доклад Губ. Воен. Ком. 8-му Губ. Съезду Советов. „Красный Мир“, № 67, от 17/IX 19 г.

утром другая банда произвела набег на раз'езд „Ежово“ в 11 верстах от Нерехты. (к Середи), обезоружив железнодорожную охрану ¹⁾.

19-го июня следовавший в Кострому товарный поезд на 39-й версте между Нерехтой и Ярославем был остановлен и вагон с вооружением разграблен (похищено 600 штук винтовок и 6 ящиков патронов). Шедший навстречу поезд с эшалонем дезертиров также был остановлен, дезертиры же выпущены ²⁾.

В Рождественской и Митинской волостях (того же уезда) дезертиры разгромили Волостные Исполнительные Комитеты ³⁾.

Следствием установлено наличие руководства со стороны каких-то штатских, прибывающих из Ярославля и устраивающих с дезертирами митинги ⁴⁾.

На наличие руководства дезертирами контр-революционеров указывает и следующий факт. Отряд красноармейцев, высланный из Костромы и напавший на следы одной дезертирской банды, был обстрелян в селе Черная Заводь. По полученным отрядом сведениям дезертирами Чернозаводской волости руководил подпрапорщик Назарев и в этом районе имелось „до 6 офицеров и 1 генерал“ ⁵⁾.

Наиболее крупными дезертирские восстания были: Красносельское и Шунго-Саметское.

Восстание в Красносельской и соседних с ней волостях происходит 14-го июля 1919 года. Население села Красного состоит из кустарей серебрянников, подчас представляющих из себя зажиточных предпринимателей. К моменту восстания в селе имелось и много пришлого люду (из Петрограда и Москвы), зачастую представителей буржуазии и „контр-революционных политических партий“ ⁶⁾. Подготовительная работа среди дезертиров велась задолго до восстания. Устанавливалась связь с соседними волостями (Семеновской, Колшевской и т. д.) и городом Костромой. Имелись „зеленые“ разведчики велосипедисты. Дезертиры объединялись десятками, а затем сводились в более крупные части. Собрания устраивались в лесу по ночам. Производился строгий учет имеющегося у населения оружия. Практиковались сборы денег, продовольствия и оружия. В движении, как потом выяснилось, принимало участие и местное духовенство, а одним из инициаторов восстания был б. земский начальник Ратьков.

В день восстания дезертиры мобилизовали (с применением силы) всех мужчин до 50-ти летнего возраста. Составился отряд более чем в 1.000 человек (по другим сведениям он доходил до 2.000, из них вооруженных 400). В Семеновской волости и селе Красном были разгромлены Исполкомы. Советских сотрудников арестовывали, избивали, а некоторых убивали. Прибывший отряд

^{1), 2), 3), 4)} Материалы Архива Костр. Истпартотдела и „Дело К. Г. Р. Тр. о разгроме Митинского Вол. Исп. Ком.“ Арх. № 439.

^{5) 6)} По материалам Архива Костр. Истпартотдела.

кавалерии Красной армии из Костромы по Волге дезертиры, рассыпавшись в цепь по берегу реки, встретили огнем.

На 3-й день восстания зеленые были разбиты и порядок восстановлен ¹⁾.

Более затяжной характер приняло выступление дезертирских банд в Шунго-Саметском районе (июнь м-ц 1919 г.), непосредственно связанное с движением дезертиров Ярославской г. (Пошехонский, Даниловский, Любимовский уезды). Движение зеленых в данном случае несомненно поддерживалось местным, кулацким по преимуществу, населением и имело стойкий и опытный руководящий кадр. Здесь дезертиры были организованы под руководством офицеров и объединены общим командованием. В числе руководителей и застрельщиков движения были: Сенцов, Пашков, Галицкий и др. офицера, сын местного заводчика Озеров. Население снабжало зеленых продовольствием, сообщало им о движении красноармейских частей. В качестве сторожевого охранения дезертиров, прячущихся в лесах, являлись девицы и ребятишки. При появлении красноармейских отрядов в деревню ночью, ночная стража (обыкновенно бабы) оповещала дезертиров звонком колокольчика. Всего вооруженных дезертиров в лесах этого района скрывалось до 200 чел. с 2-мя пулеметами (по другим сведениям до 600), невооруженных же до 1.500 человек.

Зеленые терроризировали красноармейские части, бывшие в этом районе до 16-го июля в небольшом числе. Так 14-го июля прибывший в село Саметь отряд по ловле дезертиров был неожиданно обстрелян оружием и пулеметным огнем. В результате стычки сгорело село Саметь и Сельцо. Последнее подожгли убегающие дезертиры. В 20-х числах июля месяца были убиты: Егоров—командующий вооруженными силами этого района и ряд других военнослужащих. Прибывшие подкрепления и установление контакта в действиях вооруженных сил Костромской и Ярославской губ. (контакт не всегда достаточный, благодаря чему остатки дезертиров и руководителей захватить не удалось) дали возможность перейти к наступательным действиям. К концу июля Шунго-Саметское дезертирское восстание в значительной степени было ликвидировано. Политико-просветительная работа, развернутая в этом районе партийными советскими организациями, способствовала дальнейшей ликвидации восстания ²⁾.

В это же время бандитизм процветает также и в Уренском районе. В этом глухом медвежьем углу он принимает небывалые по дикости и зверству формы. Достаточно привести пример ужасной расправы уренских бандитов с продотрядниками в конце января 1919 года около починка Ларионовского и Вахрамеевского (Вахрамеевской волости). В убийстве и истязан-

¹⁾ Материалы о Краснос. восст. из Архива Костр. Исполтотд.

²⁾ По материалам Архива Костр. Исполтотдела и „Делу К. Г. Р. Тр. об Уренском противосов. восст.“.

ниях 24-х продотрядников принимали участие местные крестьяне (кулаки и дезертиры) и скрывающиеся участники уренского восстания, в том числе быв. офицер Шапошников. Советы и руководство расправой исходили от офицеров Фунтова и Лебедева, также быв. участников Уренско-Ветлужского восстания. Крестьяне-уренцы „оказали прибывшему отряду (расквартированному в 3-х селениях) самый дружеский и гостеприимный прием, развели их по двое, самое большее по 3 чел. к ... надежным с их стороны крестьянам“, чтобы удобнее совершить расправу. Ночью весь отряд был захвачен. Продотрядников повели за селения связанными, предварительно раздев до спального белья, несмотря на 30-ти градусный мороз и снежную метель. По пути подводили к колодцу, обливали водой и били. Сопровождавший отряд член Упродкома Сироткин после всего был брошен на костер, на котором держался до тех пор, пока труп не превратился в уголь¹⁾. Не находишь слов для описания всех издевательств, которым подвернулись и другие продотрядники. Только темнота и какая-то животная боязнь за свою собственность, за свой лишний хлеб, могли до такой степени дать расхотиться самым низменным инстинктам уренского кулака-бандита и проявиться злобе в такие дикие и зверские формы.

Настоящий пример приводится, как наиболее показательный и характерный. Но этим далеко не исчерпываются все злодеяния, чинимые бандитами на протяжении всего 19-го года и даже позднее. Убийство советских и партийных работников, их родителей и лиц просто сочувствующих советскому строю, убийство с истязаниями, вырезыванием ремней на спине, сбиванием осинового кола в рот и выжиганием крестов, подбрасывание смертных приговоров и угроз, исходящих от какого-то „штаба елошской армии“, ограбление ж.-д. ст., складов, касс и, наконец, просто граждан,— вот что наполняло жизнь Уренского края, особенно в 19-м году. Эта картина начала в конце концов надоедать даже самим уренцам.

Карательные мероприятия советской власти и в особенности громадная организационная и разъяснительная работа партийных организаций, стала, наконец, оказывать должное действие на нелояльную часть крестьянского населения волнующихся районов.

В июне месяце 1919 года на основании постановления Совета рабоче-крестьянской обороны проводится неделя агитации и добровольной явки. В дальнейшем практика льготных сроков добровольной явки дезертиров и политико-просветительная работа в значительной степени устраняют те причины, которые способствовали дезертирству. Наконец, рабочая пора в сельском хозяйстве и частые грабежи бандитами крестьянских хозяйств настраивают крестьянство против дезертирства, лишая последнее

¹⁾ По материалам Архива Костр. Исполкома и „Делу К. Г. Р. Тр. об Уренском противосов. восст.“.

поддержки и сочувствия окружающей среды. Все это вызывает перелом в настроениях дезертиров и обуславливает поворот их в сторону признания советской власти.

К июлю—августу 1919 года из различных мест губернии начинают поступать массовые просьбы крестьянства в Уездисполкомы и Губисполком „принять самые решительные меры к пресечению хулиганства бандитов“ (Овсяновская волость дер. Чудово Варнавинского уезда) ¹⁾, с обещаниями „всех бандитов и контр-революционеров... задерживать“, изгонять из пределов волости и „лишать земельных наделов“ (Вахрамеевская волость Варнавинского уезда, Мисковская вол. Костромского уезда) ²⁾. Сами дезертиры также выносят постановления явиться в Уездный Комиссариат и „поголовно всем идти на фронт“ (резолюция дезертиров Шишкинской вол. Костромского уезда) ³⁾. Массовая явка дезертиров лишает контр-революционеров и этой последней базы для своих активных действий. К осени 1919 года движение совершенно замирает, а вместе с ним утихает и политический бандитизм. В редких местах бандитизм, но незначительный по размерам, сохраняется и дальше. Так, например, в Уренском крае он имел еще место в 1921 году, а в районе с. Шунга, на границе Ярославской губ. наблюдался и в 1922 году, пока осенью этого года сотрудники Чрезвычайной Комиссии не ликвидировали последнюю банду под командой офицера Саблина ⁴⁾.

С осени 1919 года губернские органы (партийные и советские) получили возможность уделять больше внимания мирной организационной, творческой работе.

Восьмой Губернский Съезд Советов наметил широкий план мероприятий, устраняющих те недостатки в механизме управления губернией, которые до того времени имели место. В результате работы этого Съезда упорядочивается и развертывается работа органов Социального Обеспечения, Губернского Совета Народного Хозяйства (увеличение сельско-хозяйственного машиностроения, интенсификация торфо-разработок, объединение кустарей и мелкой промышленности на кооперативных началах, содействие кустарю и т. д.), органов Государственного Контроля, Губернского Фин. Отдела. Уделяется много внимания продовольственной политике в деревне (более продуманное проведение учета хлебных излишков) и, наконец, общей политики в деревне. Проведение в жизнь постановлений 9-го Всероссийского Съезда Партии о необходимости включения в орбиту политики партии и советской власти среднего крестьянства перетягивает на сторону Советов основные массы населения деревни. Подготавливается почва

¹⁾ „Красный Мир“ № 21 от 25/VII 19 г.

²⁾ „Советская газета“ № 101, № 139.

³⁾ „Красный Мир“ № 32 от 7/VIII 1919 г.

⁴⁾ Данные Костр. Губ. Отд. ОГПУ, опубликованные в № 291 „Северной Правды“ от 19/XII 1926 г.

для играющей такую большую роль в жизни нашей страны политики смычки со средним крестьянством.

Вся эта система мероприятий, развиваемая и углубляемая в течение последующих лет, несмотря даже на необходимость в 1920 году опять уделить много внимания вопросам обороны страны (в связи с наступлением Врангеля и польской войной), являлась лучшим агитатором за советскую власть. С каждым годом советская власть привлекает и концентрирует вокруг себя все большее и большее число сторонников и сочувствующих, оставляя в лагере контр-революции только одиночек, неполюющих доверием и поддержкой масс.

Уделом контр-революции остается скрытое недовольство и ожидание на политическом горизонте перемен, вера в которые ослабевает с каждым днем.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стан.
Предисловие	3
I. Февральская революция в Костроме	5
II. Рост недовольства Вр. пр-вом в послефевральские дни	7
III. Октябрьская революция и противодействие перевороту со стороны костром. контр-революционеров	13
IV. Первые мероприятия органов сов. власти и повышение активности контр-революционеров	16
V. Солигаличское и кологривское контр-революционное восстание	19
VI. Деятельность контр-революционеров весной и летом 1918 года	22
VII. Контр-революционные выступления в деревне осенью 1918 года	23
VIII. Ветлужско-уренское контр-революционное восстание	28
IX. Дезертирские восстания. Ослабление деятельности контр- революционеров	40

28950

Цена 20 коп.

5.4

